

Катерина Кюне

Пожизненный найм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226522

ISBN 978-5-4474-0104-7

Аннотация

...Всё это было так похоже на фильмы про будущее, которые я смотрел ребенком, на книги, которые я читал. И я впервые подумал тогда: как же так? Вот оно будущее, о котором мечтали фантасты, которое подстегивали футурологи. Вот оно, наступило. Но почему же оно так не похоже на то, что они описывали? Они грезили, что над городами будут снова летящие трамваи, что новые компьютеры позволят людям понимать друг друга без слов, обмениваясь мыслями, сделают их ближе. Города будут прекрасны, люди свободны. Роботы возьмут на себя черную, тяжелую работу. И вот я шел бесконечными коридорами, нашпигованными видеокамерами, и понимал, что что-то случилось, и вместо нашего будущего, наступило чужое. Что будущее нам подменили. О таком ли будущем мечтали наши бабушки и дедушки, папы и мамы? Что же случилось с нашим миром? И можно ли отыграть всё обратно?...

Содержание

Необязательное авторское предисловие	4
ГЛАВА 1	7
Из дневника Андрея	7
Из дневника Андрея. 23 января	15
ГЛАВА 2	17
Из дневника Андрея. 10 октября	31
ГЛАВА 3	32
Из дневника Андрея. 27 февраля	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Катерина Кюне

Пожизненный найм

Сегодня в здании концертного зала «Танит Групп» во время праздничной церемонии, посвященной дню рождения корпорации, был совершен террористический акт. По предварительным данным, погибло шесть человек, среди которых лидер «Демократической партии» Митя Хорохоров, председатель правления «Россбанка» Борис Грумберг, президент компании «РосНафта» Сергей Ермолаев, генеральный директор корпорации «Кали-энергия» Леонид Козловский, глава инвестиционного банка «Баал» Иннокентий Завадовский. Во время эвакуации образовалась давка, из-за которой пострадали еще 32 человека, они доставлены в больницу. По данному факту возбуждено уголовное дело по статье «Терроризм».

Из новостей

Необязательное авторское предисловие

...Мне часто хочется быть кем-то другим. Кто-то скажет: обычное дело для человека с комплексом неполноценности. Да, пожалуй. Конечно, я никогда и никому ни говорил об этом. Следовательно должен быть человеком сосредоточенным и уверенным, а я мечтаю о других жизнях. Примеряю их на себя, придумываю во всех подробностях, проживаю в уме. Например, представляю, что стал астрофизиком или астробиологом. Да так и засыпаю где-нибудь на нейтронной звезде. Будто её гигантская гравитация через миллионы парсек притянула мои мысли, а к вечеру мне уже не хватает сил, чтобы их оторвать. В своем выдуманном мире я ложусь на придуманный диванчик, который стоит прямо в лаборатории, закрываю глаза и наблюдаю, как звезда напрягает все свои нейтронные мышцы, бесконечно сжимая космическое вещество. Утром вскакиваю и снова берусь за воображаемые расчеты.

В моей выдуманной жизни, той, где я астрофизик, у меня есть маленькое увлечение. Я занимаюсь космической фотографией. В свободное время я с помощью телескопов общаюсь с соседними галактиками в поисках удачного кадра.

Что бы ни говорили экологи о первозданных лесах, о разнообразии видов, всё самое совершенное сосредоточено не на нашей планете. Однажды я даже занял третье место в конкурсе астрофотографов, который проводит журнал «Леонов». Этот журнал назван так в честь первого астрофотографа на Земле – советского космонавта Алексея Леонова.

Смешно, но я домечтался до того, что уже год выписываю «Леонов» на самом деле. Словно светящиеся бублики галактик и вправду имеют какое-то отношения к моей настоящей жизни!

Иногда я представляю себе, что для таких как я появился специальный портал в Интернете. «Другая жизнь». Там люди, которым нужны деньги, дают объявления. Пишут, что готовы предоставить своё тело на некоторый срок в полное распоряжение. Портал полуподпольный, потому что официально прокат тел запрещен. Точнее, официально он невозможен.

На портале продавцы очень подробно расписывают свою жизнь. Во сколько они встают и что едят на завтрак. Где они работают и какие у них друзья. Сколько у них квадратных метров, гаджетов, любовниц, в какие закрытые клубы их пускают. Потом они выкладывают небольшое эссе на тему «один день из моей жизни». В нём нужно выигрышно себя подать, потому что всем нравятся красивые слова, и важно не то, что ты имеешь на самом деле,

а то, насколько ты научился манипулировать читательским вниманием. Ещё имеет значение профессия.

Многие хотят побывать в шкуре крутого парня: карточного игрока, футболиста или уличного бандита. В реальности они слишком ленивы, зависимы или трусливы, чтобы рисковать, а тем более жить по ту сторону закона. Но в своих потаенных фантазиях они с удовольствием приставляют нож к белому девичьему горлу и говорят: «Ну что цыпочка, давай поищем где у тебя пирсинг с бриллиантами?». Или подкарауливают своего начальника, приковывают его к ограде наручниками и потом долго и основательно порют розгами.

Ещё на этот портал ходят те, кого обычно именуют «творческими личностями». Потому что им, как никому другому, свойственно сначала поискать себя, попробовать то да сё. Почти как мне, только у них это от избытка талантов, а у меня от какой-то индивидуальной психической особенности. А в реальной жизни так нельзя. Последние лет двадцать всякие «дегустации» профессий запретили. Поступать можно только единожды. Потому что образование у нас бесплатное. Так что если ты год учишься, а потом бросаешь, то ты тем самым приносишь убытки.

Потом, когда ты уже устраиваешься работать в корпорацию, корпорация хочет выжать из тебя по максимуму. Чтобы ты на каждую вложенную в тебя копейку отдал тысячу. Им не надо, чтобы ты у них поработал, осмотрелся, а потом вильнул хвостом и ушел. Им надо, чтобы ты с двадцати и до пенсии на них горбатился. Так что если у тебя не идеальная репутация в этом плане, то шиш тебе, а не работа.

Поэтому мой придуманный портал «Другая жизнь» – это единственная возможность поменять свою жизнь без необратимых последствий. Я прихожу туда в своих мечтах и выбираю самые необычные объявления.

Я влезаю в шкуры гениальных инженеров и заново сочиняю историю. Я представляю, что Советский Союз существует и по сей день, а я работаю в специальной лаборатории по созданию идеального советского человека. Теперь перевоспитывать вредные элементы стало просто, и больше нет никаких врагов народа. Все они стали образцовыми гражданами благодаря нашей лаборатории.

А недавно я наткнулся на объявление писателя. Очень глупое объявление. Что может быть интересного в жизни современного писателя? Жизнь, как правило, самая обычная, серая. Но я всё же кликнул по объявлению, потому что нелепое тоже вызывает интерес. Я решил попробовать, почему нет? Для разнообразия. И вот я как актер в дешевом театре выбежал за кулисы, чтобы спешно переодеться и выйти на сцену уже в другой роли. Я стал представлять, что попал в тело писателя. И, как свойственно мне, скоро стал путать реальность и вымысел. Я так заигрался в писателя, что забыл продлить подписку на журнал «Леонов», но зато стал писать книгу наяву!

В какой-то момент книги стало так много, что я всерьез задумался о предисловии. О чем-то, где бы я мог оправдаться. Объяснить, что я не писатель, а просто представил, что влез в писательское тело. Рассказать, что я пишу в этой книге о таких вещах, о которых мне по долгу службы нужно молчать. Даже и не будь я следователем, издание этой книги привело бы к тому, что автора объявили бы экстремистом, фашистом, несогласным и бог знает кем еще. В общем, преступником. То есть, я – следователь, должен был бы отслеживать себя – писателя. Да никто и не взялся бы издавать эту книгу. Но все-таки я не исключаю возможности, что кто-нибудь когда-нибудь её прочтет. Ведь режимы рушатся, иногда – внезапно. И, наконец, признаться, что я не могу стать писателем. Не могу, потому что писательство не записано в моей карте судьбы.

Теперь многие стали пользоваться гороскопами, как в древнем Тибете. Чтобы создать ребёнку идеальную репутацию. Чтобы как можно раньше начать учить его тому, что ему понадобится. Специальный личный гороскоп, который в обиходе называют картой судьбы,

составляют сразу после рождения. Астролог определяет, к чему у ребёнка будут склонности и кем ему лучше всего стать согласно расположению звезд. Расписывают даже, где ему лучше всего работать, на какой женщине жениться и в каком возрасте. Какая пища будет для него полезна, какой цвет будет приносить ему удачу. Так что родители могут заранее обо всем позаботиться. В том числе купить не абы какие пеленки и пинетки, а «звездного» цвета. Последнее время карты судеб настолько вошли в моду, что стали практически обязательными. Корпорациям они очень нравятся. Еще бы, ведь сразу ясно чего ждать от сотрудника от ноля и до самой его смерти! Когда я еще был в материнской утробе, карты судьбы только начинали распространяться. Моя мама любит разные новинки.

В моей карте мне предсказали удачную карьеру следователя. Сам я, конечно, выбрал бы профессию астрофизика или генного инженера. Но мне выбирать не пришлось. Хорошо это или плохо? Когда ты делаешь выбор сам, то всю жизнь потом сомневаешься. Этот твой выбор становится источником постоянного неудобства. Вдруг, стань ты учителем, а не следователем, из твоего класса вышел бы новый Эйнштейн, и твое имя пополнило бы списки всемирно известных педагогов? Или поступи ты на астрофизика, ты сделал бы научное открытие, а не зевал бы на работе от скуки. Вдруг в тебе спит какой-то талант, который должен был сделать тебя великим человеком, а ты своим выбором взял его и угробил? Или ты просто такой непутевый человек, который не может ничем увлечься всерьёз и надолго?

Когда ты живешь согласно карте судьбы, ты точно знаешь, где корень зла. Во всем виноваты звёзды. Но, к счастью, изменить их расположение не возможно, даже если ты астрофизик.

Я следователь. Та история, которую я расскажу в этой книге, реальна. Конечно, мне пришлось додумать некоторые детали, но совсем немногие. После того, как разработали программу, расшифровывающую мысленные образы, допрос позволяет узнать о человеке практически всё. Это как посмотреть кино с места происшествия. Путаное кино, конечно. Проблема лишь в одном: чтобы влезть в мозг, нужно поймать злоумышленника, а его мозг только затем и существует, чтобы придумать, как сделать поимку невозможной. Поэтому многое о злоумышленниках, героях этой книги, мне пришлось придумать самому. Но я основывался на фактах, так что вряд ли далеко ушел от действительности. В этом смысле моей книге можно верить...

Никита Селиверстов

ГЛАВА 1

Из дневника Андрея

Для хорошего работника офис – это храм. Когда он входит в него сквозь стеклянные раздвижные двери, когда створки бесшумно, как в сказках или фильмах ужасов закрываются за его спиной, он выбрасывает из головы все мирские мысли, переводит свой юникон в режим «корпоратив», и весь отдаётся служению местному культу производства резиновых уточек для купания и разноцветных презервативов с запахами экзотических фруктов. Он аж светится от своего рвения помочь уточкам разлететься по всему миру, а презервативам, – которые, если вдохнуть в них немного воздуха, сами становятся похожи на диковинные плоды, полные семян, – прорасти повсеместно, как сорной траве.

Это высокая задача, ещё бы, его корпорация – первая в мире и возьми мы наугад три уточки из тех, что сейчас плавают в ваннах, две из них будут иметь клеймо «Танит Групп». Да, он весь светится, как прихожанин в Пасхальную ночь, светится от того, что его, хоть он и ни дня не постился, пустили в это святилище тропических презервативов. Он робко улыбается начальнику, встретив его в коридоре и, зайдя в свой рабочий кабинет, освещает его неподдельным энтузиазмом. Утром он просыпается и торопится выйти из дому, а Дня Корпорации ждет с таким же детским нетерпением, с каким ждал когда-то свой День рождения...

Я не знаю, смог ли бы я так яростно полюбить свою работу, но у меня есть изъян, который помешал мне даже попробовать. Казалось бы, это очень мелкий, очень незначительный и даже не сразу заметный изъян. Но на самом деле он громадный, и что бы измерить его глубину, нужно раскидать лопатой не один день, месяц или год.

Мне было десять лет, и я жил вдвоём с отцом в большой трехкомнатной квартире, почти без мебели, с не распакованными после переезда коробками.

Чем дальше, тем всё больше наша квартира стала напоминать руины древнего города посреди джунглей. Коробки, как серые плиты, из которых когда-то были построены здания, затягивались пылью и хламом. Они зарастали старой одеждой, электронными книгами, листками с названиями каких-то неведомых файлов; пустыми чашками, с окаменевшими чайниками на дне; сломанными компьютерными мышками и отвертками, с помощью которых собирались поковыряться в мышиных внутренностях; микросхемами, колонками, процессорами, материнскими платами... Здесь можно было найти всё, что угодно: мой засушенный одуванчик, банку горбуши, просроченную бутылку с соусом и настоящие заросли проводов.

Мой отец был php-программистом в транснациональной компании, и когда из Владивостока его перевели в Москву, родители продали нашу приморскую квартиру, прибавили все свои сбережения и купили просторную трехкомнатную в столице. Мечта!

Отец был первоклассным специалистом, но в повседневном быту он был человеком непростительно безалаберным. К тому же он привык, что в доме есть мать и она спасает комнаты от неизбежного мгновенного зарастания.

Но мама осталась во Владивостоке, где она должна была завершить строительство китайского микрорайона, состоящего из пяти небоскребов. Мы ждали её с недели на неделю, но её приезд почему-то откладывался. Мы с папой, сидя на кухне и, запивая пиццу, он – бутылочным пивом, а я – колой, мечтали о том, как мама приедет и устроит тут свой фирменный ремонт. Как от её нежно-розовых обоев и зеленоватых легких занавесок в спальнях станет светло, как под её руководством мы распакуем и расставим на столиках и тумбочках винтажные светильники с абажурами, как в воскресенье она приготовит для нас жаркое

в горшочках, а потом мы все вместе пойдем в кино... И мы, наконец, – сколько мы вздыхали о ней в маленькой Владивостокской квартире! – сможем завести большую лохматую собаку, может быть колли, а может быть шотландского сеттера.

Но мама всё не ехала, и только всё чаще спрашивала папу, не может ли он как-нибудь отпросить меня из школы и привезти к ней на время, а то она адски по мне соскучилась.

Повзрослев, я понял, что ей не хотелось приезжать вовсе. Видимо, пожив без угрозы быть поглощенной папиными джунглями, она расслабилась и уже не хотела снова брать мачете и идти вырубать папину безалаберность. А, может быть, у неё просто появился другой мужчина. Так или иначе, я был единственным камнем преткновения. И её план, видимо, состоял в том, чтобы потихоньку переманить меня и оставить отца одного в новой квартире заполненной коробками со старыми вещами. Но тогда, в десять лет, я был уверен, что нас ждет счастливая и безмятежная жизнь вчетвером – в моём воображении к нам уже давно присоединилась собака.

А вот отец, видимо, в какой-то момент заподозрил неладное, потому что наши кухонные разговоры о будущем сошли на нет. Зато по ночам он теперь подолгу сидел за монитором, сочиняя маме длинные письма. Не знаю, о чем была их переписка, но с ним начали происходить странные перемены. Однажды в субботу он встал ни свет ни заря и помыл всю грязную посуду, стопки которой высились на кухне, как мамины китайские небоскребы. Когда я, зевая, вышел из своей комнаты, я увидел отца в мамином розовом фартуке в белый горошек, – одним стенам известно, как ему удалось вытащить его из-под древних руин, – он стоял у плиты и тефлоновой лопаткой переворачивал румяный... блин! Всё это выглядело настолько невероятным, что я забыл сказать «доброе утро». Рядом с высокой фигурой отца, плита выглядела какой-то низкой, а половник и сковорода, которые в маминых руках казались большими, в папиных смотрелись несерьезно, как будто он решил поиграть в дочки-матери и вытащил их из кукольного набора.

На столе стоял ноутбук и по открытому кулинарному видео-блогу можно было догадаться, как папа освоил науку блиноделия. В этот день мы ходили в зоопарк, а потом в дизайн-бюро, где выбирали розовые обои в мелкий цветок и светло-зеленые занавески. А на следующий – варили суп и делали уборку. Вечером папа как бы невзначай спросил меня, не хочу ли я позвонить маме, чтобы рассказать, как мы провели выходные...

В тот самый день, когда рабочие закончили ремонт, отец вернулся с работы сияющий. Он объявил мне, что звонил маме, и она прилетит в следующие выходные, то есть всего через девять дней! Я побежал в свою комнату и в настенном электронном календаре пометил этот день розовым. А отец, необычно возбужденный, метался по квартире, хватаясь то за одно, то за другое дело и на тумбочках, стульях и диванах оседали лампочки, шурупы, отвертки, журналы, провода...

Накануне розового дня я не смог уснуть. Я старался изо всех сил, потому что не хотел заснуть после обеда и украсть эти часы у нашего с мамой первого дня. Утром папа велел мне сходить в кондитерскую за круасанами, а сам уехал в аэропорт. Увидев из окна, у которого я стоял уже второй час, как к подъезду подъезжает наша машина, я уже хотел бежать к лифту. Но открылась дверца, и из неё вышел мой отец. Только он один.

Этот изъяз, о котором я говорил, эта особенность появилась у меня именно тогда. Когда выяснилось, что мама хотела сделать нам сюрприз и специально назвала отцу более поздний рейс. Она планировала сесть в такси и позвонить в дверь как раз тогда, когда мы только проснемся, чтобы ехать её встречать. Но по дороге из аэропорта, такси подрезал «броневик» очень влиятельного чиновника...

Я долго-долго не мог произнести «мама умерла». Мне на язык наступала немота, такая вязущая, как мякоть неспелой хурмы, она сводила челюсти, и я не мог открыть рот. Я

научился говорить эти два слова только года три спустя. Но ещё долго я произносил их как во сне, словно для того, чтобы мне не парализовало челюсть, нужно было затуманить мозг.

А вот и изъян. С того самого розового дня до сегодняшнего момента я ещё ни разу не улыбнулся. Мой звонкий детский смех также оказался очень хрупким. Мама говорила, что у меня внутри лампочка. Когда я улыбаюсь, она загорается, а когда мрачню – гаснет. И когда я бывал не в настроении, она начинала меня щекотать, а потом щелкала воображаемым выключателем. Я, конечно, смеялся. Возможно, в розовый день эта лампочка непоправимо перегорела или выключатель сломался. Когда я приходил на собеседования, менеджеры по персоналу, эти привратники храмов, один за другим признавали меня профнепригодным. «Спасибо за проявленный интерес, мы вам обязательно перезвоним». И это несмотря на мой диплом кибернетика.

Их логика была проста – своим внешним видом я сею пессимизм, мрачность и депрессию, поэтому для компании я вреден. А, изучив моё личное дело, за годы школьной и университетской учебы заметно опузатевшееся, они признавали меня подозрительным и неблагонадежным. Дело в том, что во всех моих характеристиках, начиная с десятилетнего возраста, была запись о том, что я скрытный и замкнутый. Мрачный, скрытный, замкнутый, с детской травмой, которая наверняка повредила психику – разве это хороший работник? И мне всюду отказывали. Меня никуда не хотели брать. В сущности, мне ничего другого не оставалось, кроме как стать тем, кем я стал.

...Всё началось в год белой свиньи. Мой гороскоп предсказывал, что белая свинья принесет мне большие хлопоты, которые, правда, закончатся моей женитьбой. Значилось также, что невеста будет особой крайне оригинальной и встречусь я с ней в рабочее время... Не мудрено, в нерабочее-то я почти не вылезая из дома... Теперь я с подозрением всматривался в каждую встречную женщину – уж не та ли это, на которой я должен буду жениться? Когда мой начальник, который раньше обходился своими силами, неожиданно нанял секретаршу, у меня началась паника. Это была кичливая, помешанная на своем (правда довольно стройном) теле, брюнетка. Первым делом она поставила на свой рабочий стол зеркало, чтобы иметь возможность любоваться собственным лицом каждое свободное мгновение. Она частенько что-то роняла и наклонялась поднимать, манерно произнося при этом нечто вроде «ах, я такая рассеянная!». Но я был уверен, что у неё под столом установлено ещё одно зеркало и она постоянно лезет туда, чтобы поглазеть в него на свои ноги. С ужасом я представлял себе, что уже женился на этой сумасшедшей. Стены, потолок и даже пол нашей квартиры покрылись зеркалами. Мы выбросили мою любимую керамическую посуду и купили зеркальные тарелки. Когда мы ложимся спать, моя жена не выключает свет и не накрывается одеялом – говорит, что хорошо засыпает, только когда глядит на своё отражение на потолке... Она не помнит, как я выгляжу, потому что бросает на меня беглые взгляды только если я мелькаю в зеркале рядом с ней самой, то есть в самых исключительных случаях... В общем, кошмар.

Но вскоре произошло событие, которое отвлекло меня от нелепых мыслей о секретарше. Исследовательская группа Копенгагенского Университета сделала сенсационное заявление. После многолетних исследований им удалось разработать технологию дешевого и экологически безопасного альтернативного топлива. «Больше не нужно подсчитывать, на сколько лет нам хватит нефти, – хвастливо заявили они. – Теперь от нефти можно отказаться вовсе!». В ответ на это заявление цены на акции нефтяных компаний поползли вниз. Шокированные страны ОПЕК, пытаясь хоть как-то спасти своё положение, попытались играть на понижение. В результате нефтяные компании подешевели ещё больше. Цены на нефть упали до 15 долларов за баррель. В России началась паника. Выглядело так, словно влиятельнейшие страны договорились и действительно началась энергетическая револю-

ция, что это продуманный, давно запланированный ход – начало конца нефтяного века. Разразился кризис, который в прессе так и окрестили – «нефтяной».

«Во всем виноваты датчане!» – вопили новостные заголовки. Российское телевидение успокаивало, что нефтяной кризис – явление временное. Одно дело – научные разработки, а другое – массовое производство. Альтернативное топливо создают уже многие десятилетия, но ещё до сих пор ничего путного не придумали. Ничего такого, что полностью заменило бы нефть. Скоро выяснится, что новая технология тоже полна изъянов и жизнь вернется на круги своя. «Лучшее, что породила Дания – это сказки Андерсена. Думаем, что в результатах их последнего исследования тоже много сказочного».

В феврале группа малоумных московских подростков, которым ежедневно вдалбливали, что именно из-за датчан в магазинах подорожало пиво, устроили Русалочью Ночь. С криками «Нам не нужны ваши долбанные сказки!» они забросали датское посольство в Москве отрезанными рыбьими хвостами... Московская полиция, которая с собачьей чуткостью охотилась за всяческими демонстрантами и бунтарями, (так что, казалось, выйди даже пятилетние карапузы с горшками в руках протестовать против жестокости своей воспитательницы Марьи Ивановны, у них тут же конфискуют горшки, заламают руки и повезут в участок), сделала вид, что русалкофобов не заметила. То есть заметила, но догнать не смогла. Подростков тут же поглотили непроницаемые ночные переулки. Кто знает, может быть там, в ночных переулках, их ждали красные башмачки и Снежная королева, решившие отомстить беглецам за Андерсена...

В борьбу за всемирное торжество нового энергоресурса включились экологи всех развитых стран. Предприятия всего мира готовились к реорганизации и техническому переоснащению. Всё происходящее только подтверждало версию о том, что «кризис» заранее спланирован.

«Конечно, чтобы повсеместно перейти на новый энергоресурс, нужны время и немалые финансовые вложения. Но рано или поздно это всё равно придётся сделать. И, поскольку мы понимаем, как важно заботиться об экологии нашей планеты, мы не намерены тянуть» – примерно такие заявления делали представители европейских и американских компаний.

Я наблюдал за происходящим через тонкую поверхность экрана телевизора и через винтажные очки, которые обычно надевал, когда читал газеты. Если бы я хоть на мгновение задумался, я бы понял, что нефтяной крах однажды отразится и на моей жизни, но пока что лично мне зарплату не урезали, мне казалось, что кризис, это что-то эфемерное, существующее в другой реальности. Но вскоре произошло несколько событий, которые, отчасти, сделали меня его участником.

В конце февраля выбросился из окна менеджер одной из топливных компаний. Сначала на это самоубийство никто не обратил особого внимания. Но когда в следующую неделю погибло ещё пять человек, это стало напоминать эпидемию. Говорят, что депрессия заразна. Если у мужа начинается затяжная депрессия, то через некоторое время она неминуемо передастся жене. С этим ничего не сделаешь. У каждого психиатра есть свой психиатр. Время от времени он проверяет, не заразился ли его коллега безумием от одного из пациентов.

Может быть, желание наложить на себя руки тоже заразно, ведь оно тоже одна из форм безумия? Оно возникает в чьей-то голове, доводит тебя до окна и велит прыгать. Потом взмывает над мертвым телом, носится по городу и высматривает новую жертву... Интересно, как бы оно могло выглядеть... Может быть, это полупрозрачное призрачное серое покрывало, на манер платков из ангорской шерсти? Такое уютное покрывальце, которое витает в воздухе, а потом в один момент набрасывается на жертву и накрывает её с головой. И у жертвы тут же сереет лицо, под глазами расплываются сине-серые мученические круги. Покрывало только на вид уютное, а на самом деле удушливое и колючее. Оно всегда выбирает людей с ослабленной сопротивляемостью – напуганных своим будущим, остолбе-

невших от трудностей... Оно впивается серыми ворсинками в кожу, проникает в кровеносную систему и, в конце концов, укутывает сердце. А дальше можно сразу звонить в морг. Возможно, оно даже плодится, как бактерия, питается человеческими горестями, разрастается, а потом делится. Иначе как объяснить, что с каждым днем самоубийц становилось всё больше?..

Сегодня Федора вызвали к гендиректору. Зачем – он не знал. Его точно не собирались уволить или повысить, иначе вызвали бы к начальнику отдела. Также навряд ли у гендиректора могли быть какие-то специальные поручения к нему – пока что он был для этого слишком мелкой сошкой. Скорее всего – так рассуждал Федор – дурацкая ошибка молоденькой секретарши, которая может стоить ей карьеры. Очень досадно, что из-за этой дырявой женской головки зазря потревожат гендиректора и потратят время, которое у него на вес золота. Да и сам Федор пропустит комментарии и письма от клиентов, на которые нужно отвечать оперативно. В прошлом месяце Федор был в отделе первый – он обработал больше всех писем и комментариев. В связи с этим про него написали небольшую, но ёмкую статью в корпоративной газете и даже поместили портретную фотографию, где Федор выглядел «таким милашкой», что его страницу в Тенёте за день посетило не меньше трехсот сотрудников корпорации.

Тенёта – это была корпоративная сеть «Танит Групп», названная так по созвучию Танит-Тенёта. Газета со статьёй бережно хранилась у Федора дома, в специальном ящике вместе с другими публикациями про него – школьными и студенческими. Тут же хранились грамоты, полученные за победы в олимпиадах, каждая в отдельном файле, аккуратно подшитом в общую папку. Федор планировал и в этом месяце обогнать своих коллег, и на Дне Корпорации получить специальный Почетный Знак Лидера. Знак Лидера представлял из себя большого утёнка из самого высококачественного латекса, который только можно было себе вообразить – уж в чем в чем, а в латексе в резиновой корпорации знали толк! – и прилегающего к нему серебряного значка, который положено было носить на воротнике форменного пиджака. Лучше был только Знак Лидера для руководителей отличившихся отделов. Значок им давали золотой, а утёнка большого, не для ванн, а для бассейнов и теплых морей.

Иногда, когда Федор шел по офису, ему казалось, что он чувствует, как значок оттягивает воротник его форменного пиджака, как будто «Лидер» уже – фигурально выражаясь – у него в кармане. И тогда Федор мечтательно оглядывался по сторонам, и ему казалось, что коллеги смотрят на него одобряюще и с каким-то особенным, преувеличенным уважением.

Но сегодня, идя к кабинету гендиректора, Федор ничего такого не чувствовал. Наоборот, он понимал, что в этот самый момент, когда по чьей-то прихоти он тратил своё время впустую, его соперница Юлия, представляя латексного утёнка, строчила ответы с умноженной энергией. Его воротник становился всё легче, а её – всё тяжелее.

Почетный Знак Лидера вручался по итогам года и Юлия, как и Федор, становилась лучшей пять раз в этом году. Последний, решающий месяц начался три дня назад.

Подумав об этом, Федор прибавил шагу, почти добежал от лифта до двери. Когда он вошел в приёмную, секретарша встретила его вежливой улыбкой. Не о чем его не спросив, он кивнула на дверь.

– Заходите, Фёдор, вас ждут, – мягко произнесла девушка, и Федор подумал, что она не похожа на Машу-Растеряшу-Дырявую-Башку, которая всё напутала.

В кабинете за массивным чёрным столом сидели троё. В центре – сам гендиректор, загорелый человек лет сорока пяти, с выдающимся лбом, нависшим над маленькими глазами. Эти глаза смотрели на Федора с иронией и любопытством, словно он поймал его, как

бабочку за крылья и, усмехаясь, говорит «ну-ну, посмотрим, что ты за птица...». По левую руку от гендиректора сидел Михаил Валерьевич, главный психолог корпорации, а по правую – Жрец. Конечно, официально его должность именовалась как-то иначе, но как – никто не помнил. Жрец был очень беленький, почти что альбинос, и про него по корпорации ходили разные истории. Например, о его маниакальной чистоплотности. Мол, он всегда носит с собой антисептический спрей и прежде чем сесть на стул обильно его забрызгивает. А сидя за необработанным столом, всегда держит руки на коленях. Потому что на столе – микробы. Он, вроде бы, даже защитил диссертацию на тему «Аэробная патогенная бактерия спирохета в ритуалах хтонических культов древних ассирийцев». И все эти трое неотрывно наблюдали за Федором. Жестом его пригласили подсесть за стол.

– Феденька, мы вызвали вас, чтобы сообщить вам прекрасную новость... – ласково начал Михаил Валерьевич.

– Как вы, надеюсь, помните, через месяц, двадцать четвертого августа – День Корпорации, – перебил его Жрец, – Вы знаете, какое самое главное событие происходит в этот день?

– В этот день... Возложение даров?

– Вот именно! Каждый год мы выбираем одного претендента. Для этого мы продлеваем очень тяжелую работу. Мы досконально изучаем личные дела и всю информацию о каждом.

– Вы должны понимать, – опять влез психолог, – насколько это почетная миссия, Федор! Вы должны проникнуться, вжиться, полностью осознать! Помните, как я вас учил на тренингах?

– В этом году мы решили назначить подателем даров вас.

У Федора закружилась голова. Как будто он залпом выпил стакан водки, хотя он никогда не пил водки не только стаканами, но даже наперстками. Он счастливчик! Все, кто возлагали дары на алтарь Танит, очень быстро взлетали по карьерной лестнице до самых высоких начальственных постов. Это был реактивный лифт. Об этом знали все в корпорации.

– Конечно, вам нужно будет пройти тщательную подготовку. Придется пожертвовать своим личным временем. Часть рабочего дня тоже будет уходить на это...

– А как же значок? – вырвалось у Федора.

– Какой ещё значок? – удивился гендиректор.

– Он в этом месяце сражается за Приз Лидера, – пояснил за Федора психолог.

– Приз Лидера?! – переспросил гендиректор, глядя на Федора как на кромешного идиота. Потом он неожиданно расхохотался. Вслед за ним засмеялись и Михаил Валерьевич и Жрец. Федор из вежливости тоже заулыбался.

– Думаю, Приз тебе теперь не понадобится, – сказал гендиректор, перестав смеяться так же внезапно как и начал, будто его смех был попрыгунчиком из коробки, которую он открывал и закрывал по своему усмотрению. Тут же замолчали и Жрец с психологом, словно крышка коробочки прищемила и их смех тоже.

– Понимаешь, Приз – это всё равно, что крошка, а мы предлагаем тебе целый каравай. Но не забывай, мой мальчик, что каравай нужно заработать. Месяц тебе придется пахать, не разгибаясь. День в день, с утра до вечера, ты понял? – гендиректор подался вперед, приблизился к Федору почти вплотную, – Так что если ты неуверен или там боишься, или у тебя там на этот месяц другие планы, то ты нам про это скажи прямо сейчас. Всё понял?

Федор понял, что он должен сейчас что-то сделать. Что-то значительное, показательное, что раз и навсегда отбросит назад всех его конкурентов. Впрочем, может был и бессознательный, вполне искренний эмоциональный порыв. Так или иначе, он встал со стула и вытянулся как на утреннем гимне:

– Я глубоко благодарен за проявленное доверие, для меня это огромная честь! Я счастлив, что корпорация выбрала именно меня! Готов приступить к подготовке в любое время!

– Ну, вот и славно, – гендиректор откинулся обратно на спинку кресла, – приступайте.

Газеты писали о первых смертельных жертвах кризиса. Ни у кого не было сомнений, что все эти менеджеры погибли из-за датского открытия. Я, продолжая наблюдать со стороны, думал так же. Но однажды в моё Таганское районное отделение Следственного Комитета пришла женщина. Она была маленькая, худенькая. Казалось, что когда она собиралась выйти из дома, она была ещё молодой девушкой – волосы по-девчоночьи были собраны в хвостик, пальто было коротким и сидело на ней как на стройной институтке – но на пороге дома её настигла какая-то беда. И пока она добралась до Следственного Комитета, глотая слезы, она вся выпцвела, в светлых волосах появилась седина, по лицу, как выюнок, расплзлись морщины, даже цвет одежды поблек. Она сидела в приёмной с пачкой газет, где писали, что её сын – старший менеджер – выпрыгнул из окна своего рабочего кабинета. Якобы, он дождался конца рабочего дня, и, когда офис опустел, открыл окно и сиганул вниз...

– С чего ему было себя убивать? – спрашивала она меня, как будто я что-то об этом знаю, – Понимаете, он перед этим ходил веселый, смешливый, как король на именинах! А в то утро он пел в ванной! Неужели можно с утра петь в ванной, а вечером выпрыгнуть из окна? Я в это не верю! И никогда не поверю! Ему помогли. Не было у него никакой депрессии. У него за всю жизнь депрессия была один раз – в тринадцать лет, когда он впервые влюбился.

– Может быть, он что-то от вас скрывал?

– Конечно, он скрывал. Все дети что-нибудь скрывают. Но я его каждый день видела. Думаете, от матери можно скрыть, что ты собираешься наложить на себя руки?

До этого момента она держала себя в руках, но тут у неё задрожали губы, и видно было, с каким усилием она сглатывает рыдания. Может быть, ей казалось, что будь она внимательнее, ей удалось бы уберечь сына от гибели? Я почувствовал себя неудобно, словно я должен сейчас что-то сказать или сделать, но что именно – я не понимал. К тому же, когда я вижу, как кто-то плачет, у меня рефлекторно наворачиваются слёзы. Чтобы не выглядеть идиотски и совсем неподобающе моему положению, я встал и пошел делать чай. В воздухе повисла натужная, словно натянутая на пальцы, тишина. Я всегда пью чай с мятой, и когда зажурчала вода, и из прозрачного заварочного чайника повалил теплый, умиротворяющий запах, я заметил, что невольно расправил плечи, подобно маленьким темным чайникам, выпускающимся в кипятке.

– Так вы подозреваете, что коллега убил его из-за ревности?

– Да.

– У вас есть для этого какие-то основания? Вы понимаете, что это очень серьезное обвинение?

– У меня есть основания. Я расскажу вам, как все было. Вы специалист, вы лучше меня сможете сделать выводы.

Я поставил перед ней чашку с чаем и вернулся на свое место.

– Рассказывайте, я слушаю.

Выяснилось, что у сына был знакомый, назовем его Н., с которым они начали соперничать ещё с университетских времен. Они были лучшими на курсе. Но каждый хотел стать самым лучшим. И тут приятелю что-то постоянно мешало. То в самый ответственный момент, когда победа уже практически была одержана, он заболел и не добирал одного-двух баллов. То ему снимали несколько баллов за неправильное оформление курсовой. В общем, он постоянно оказывался вторым. И когда в университет пришли представители компаний, то они в первую очередь заинтересовались сыном моей визитерши, а потом уже его приятелем-второместником... Конечно, его это злило, хотя он и старался этого не показывать. Их пригласили работать в одну и ту же компанию. На время их это сблизило.

– Он даже пару раз заходил к нам. Но даже тогда он смотрел на сына с какой-то обидой, словно считал, что тот его должник, что он обязан был добровольно уступить первенство. А ещё однажды они напились вместе. И тогда он разоткровенничался. Говорит сыну: почему у тебя всё так легко получается? Какого чёрта? Я все шесть лет бился изо всех сил, зубрил, ишачил, никуда не ходил, только занимался, занимался, занимался. Как проклятый. А у тебя всё – само собой. Один раз прочел – помнишь. Во всё врубаешься с первого раза! Чем я хуже тебя? И всё в таком духе. Сын потом мне сказал, что никогда раньше не думал, что в нем столько зависти, никогда не видел зависть так ясно и близко. И после той пьянки сын стал его избегать. А этот злился на него еще больше, считал, что это вроде как из высокомерия, что его теперь презирают...

Но истинным мотивом убийства, по мнению матери, стала не зависть, а ревность. Якобы этот Н. полгода назад серьезно влюбился. Девушка ответила взаимностью, они стали встречаться, на работе он поговаривал о том, что хочет сделать ей предложение. Но черт дернул его пригласить девушку на корпоративную вечеринку. Он со всеми её знакомил и представлял как свою невесту. Непонятно, что на этой вечеринке произошло, но после того вечера девушка начала названивать погибшему.

Она его просто преследовала! – сокрушалась женщина, – Я до этого и не видела никогда, чтобы девка так вешалась на парня. Звонила ему, письма писала, как бы случайно встречала его, когда он возвращался с работы. Однажды даже прислала ему сборник стихов с засушенным цветком между страницами. Хотя он цветов терпеть не мог... Да и стихов тоже...

А дальше... А дальше и так всё ясно, по-моему. Обо всей этой маниакальной любви узнал Н. и кольца, которые он уже успел заказать у ювелира, оказались не нужны. Другой бы порадовался экономии, а этот совсем озверел от ревности и злости. Разве не убивают из ревности?! Убивают, и мать была уверена, что ее сына убили именно из-за нее.

– А я-то, дура, так гордилась его успехами... Лучше бы он совсем бросил институт, только был бы жив!

Я думаю, карьера следователя не зря была предсказана мне звездами. У меня есть особое чутьё, интуиция. Я всегда знаю, когда дело стоящее, а когда – дрянь, и сколько не бейся никакого преступника не поймаешь. Какое дело мне удастся раскрыть, а какое – нет.

Женщина оставила заявление и ушла, а я сидел и отчего-то был уверен, что это дело – из первой категории. Естественно, история, которую она мне рассказала, казалась мне абсолютно надуманной, что и неудивительно – разве убитая горем мать может быть объективна? И всё-таки что-то подсказывало мне, что все там не так просто и ее материнское чутьё правильно ей подсказывает – её сын самоубийства не совершал. Погиб он по какой-то другой причине. Но по какой? Наверное, матери очень важно было знать, что самоубийства не было. Чтобы этот факт был доказан. Даже не чтобы преступник был наказан. Важнее знать, что этот преступник был, а, значит, она ни в чем не виновата. Ну что же, может быть я и смогу помочь ей избавиться от призрака вины.

Из дневника Андрея. 23 января

Помню, когда я проходил череду собеседований в самых разных компаниях, я каждый день переживал одно и то же чувство. Первый раз оно возникло у меня ещё тогда, когда я не знал, что меня не возьмут на работу. Меня пригласили в крупную, жирующую корпорацию, в самый главный офис. Он охранялся так, словно внутри сидят особо опасные преступники. В маленьком холле через двойное стекло меня недоверчиво осматривал охранник, опасаясь, видимо, что я пришел организовать побег из вверенной ему тюрьмы. Дорогу дальше, вглубь здания преграждали три круглых, прозрачных портала. Полукруглая дверь открылась и снова закрылась за моей спиной. Целую минуту я стоял внутри закрытого прозрачного столба, и я не знаю, что со мной происходило в этот момент. Может быть, меня дезинфицировали невидимые лучи, как перед высадкой на чужую планету? Всё это было так похоже на фильмы про будущее, которые я смотрел ребенком, на книги, которые я читал. И я впервые подумал тогда: как же так? Вот оно будущее, о котором мечтали фантасты, которое подстегивали футурологи. Вот оно, наступило. Но почему же оно так не похоже на то, что они описывали? Они грезили, что над городами будут сновать летающие трамваи, что новые компьютеры позволят людям понимать друг друга без слов, обмениваясь мыслями, сделают их ближе. Что технологии будущего позволят построить прекрасные здания, навесные сады, фонтаны на крышах, смотровые площадки, зависшие прямо в воздухе. Города будут прекрасны, люди свободны. Роботы возьмут на себя черную, тяжелую работу. И вслед за писателями-фантастами, вслед за художниками и мечтателями, обычные люди с надеждой вглядывались в свои допотопные компьютеры, ожидая от них помощи. И они тоже грезили, доверялись выдумкам фантастов, смотрели на звезды (ведь всегда кажется, что будущее, как первый весенний дождь, спускается откуда-то с неба) и видели сияющие города и своих улыбающихся внуков, мчащихся не на пластмассовой лошадке, а на крылатом такси, которое стало повседневным и доступным. И вот я стоял в круглом прозрачном портале, потом шел бесконечными коридорами и лестницами, нашпигованными видеокameraми, и понимал, что что-то случилось, и вместо нашего будущего, наступило чужое. Что будущее нам подменили. Что новые технологии, вместо того, чтобы сблизить людей, разделили их двойными пуленепробиваемыми стеклами, бесконечными кордонами и раздвижными дверьми. Что на месте города надежд, мечтаний и фантастических снов, выросли уродливые небоскребы, своими ломаными стеклянными линиями отпугивающие даже птиц. Что роботы и компьютеры не облегчили людям жизнь. Что летающие трамвайчики не появились, потому что больше никто не поднимает голову к небу, все наоборот, всматриваются вглубь Земли, пытаясь разглядеть, где ещё можно зачерпнуть нефти, где ещё пробурить скважину. О таком ли будущем мечтали наши бабушки и дедушки, папы и мамы? И что бы сказали фантасты и футурологи прошлого, увидев, что наш мир стал издевательской пародией на выдуманные ими миры? И что же случилось с нашим миром? Уж не инопланетяне ли украли наше настоящее будущее и подсунули нам свое?

Да-да, иногда мне кажется, что всё произошло именно так. На каждом собеседовании, в каждой стеклянно-пластиковой компании, занимающей своё место на бульваре современных бизнес-магнатов, у меня в голове возникала сцена чудовищной операции, во время которой наше прекрасное будущее ампутировали, и пришили нам протез, искусственную, неполноценную руку. Или мы просто случайно съехали с рельсов, и нас занесло в параллельную вселенную? И сейчас другие люди, в чьем будущем мы оказались, по утрам выходят на улицы и, открыв от удивления и восторга рты, восклицают: вот это да! И живут в нашем прекрасном мире, не понимая, что же это такое и почему всё вышло не так, как они рассчитывали.

Или мы не достаточно сильно хотели, мало напрягали мышцы своего воображения, и нашему будущему не хватило энергии, чтобы стать таким, как планировалось? И что же делать теперь? Можно ли отыграть всё обратно?

ГЛАВА 2

На газонах лежали грязные огрызки снега, но пахло лужами, небо обмелело и солнце, как клад, обнаружившийся на его дне, засияло вовсю. Федор возвращался домой из университета и млел от восторга. Сегодня совсем не Солнце, нет, сегодня он был звезда! Он! Как на него смотрели однокурсники! Ещё бы... Ведь он их всех сделал! «Танит Групп» – это самая, обратите внимание – самая крупная «резиновая» корпорация в мире. И они выбрали его! Разве не прекрасно? Теперь он младший менеджер отдела по работе с клиентами. Но это только первая ступень, как они объяснили. Через год младший менеджер автоматически становится просто менеджером (конечно, при условии, что он оправдывает надежды), а потом, если показатели его работы высоки, он становится старшим менеджером. И так далее и так далее. В такой компании, как «Танит Групп» по карьерной лестнице можно забраться ох как высоко! Это прямо лестница в небо. Но попасть на эту лестницу не так просто. Но он, – ура!, – уже стоит на первой ступеньке.

Это было чуть меньше двух лет назад, Федор тогда учился на четвертом курсе на факультете социологии. Каждую весну в университет приходили представители разных компаний и подбирали себе сотрудников. Они сидели на семинарах, беседовали с преподавателями, потом изучали личные дела интересных студентов. Затем проводили собеседования. С детектором лжи, конечно же. Задавали вразнобой самые неожиданные вопросы – и по учебе, и о семье, и про характер, и про личные предпочтения. Могли, например, после сложной математической задачи спросить, какой компот больше любишь, малиновый или вишневый? Потом они ещё недолго совещались и, наконец, в аудиториях на сенсорных досках высвечивались результаты.

И, прежде чем студенты успевали друг друга поздравить, на доске-экране появлялся ректор и во всю улыбаясь, толкал длинную речь, полную общих фраз о том, как он рад, что студенты его университета оказались достойны работать в таких серьезных компаниях и о том, какое блестящее будущее их всех ждет. Тем, кого не взяли, конечно же предлагалось не отчаиваться, подтягивать учебу и пытаться счастье на следующий год. Или не бояться и искать работу «диким» способом. То есть всюду рассылать свои характеристики и итоговые баллы, которые подсчитывались в конце года по результатам учёбы. Но каждый в аудитории понимал, что «диким» способом в хорошую компанию устроиться невозможно, так можно попасть разве что в какую-нибудь маленькую, балансирующую на грани разорения, конторку с тесным офисом на окраине города и мизерной зарплатой. Такие компании на всем сэкономили. Иногда они устраивали офисы в подвалах без окон или в полуразрушенных домах, где с потолка капало, а сквозь щели прорастали сорняки. Часто покупали подержанное оборудование, которое тут же ломалось, приходил крикливый начальник и поносил подчиненных за то, что у них руки-крюки, что ради них компания несет колоссальные убытки – ведь каждый месяц им платят зарплату и что же вместо благодарности? Они портят совершенно новую технику! Что ж, мы не жадины, мы не будем вычитать из ваших жалований полную стоимость этого дорогостоящего оборудования... Приходилось терпеть, ведь другую работу ещё попробуй найди, да и с чего это там будет лучше? Некоторые компании заставляли сотрудников работать в три смены, чтобы арендовать помещение втрое меньшей площади, а когда устраивали корпоративы, то предлагали работникам приносить еду из дома, как на советских утренниках...

Мега корпорации властвовали всюду, как гигантские сосновые деревья, под которыми не может прорасти ни одна маленькая травинка. Поэтому, когда Федора взяли в «Танит Групп» он обрадовался неимоверно.

Федор был из маленького южного городка, где его семья жила в просевшем частном домике, обложенным понизу зеленым кафелем. На подоконниках росли бегонии и рассада, обрамленные белыми тюлевыми занавесками. Весной рассаду высаживали на четырех сотках, зажатых с обеих сторон соседями так, что они больше были похоже не на огород, а на коридор, упирающийся в невысокую изгородь, но вазоны с землей с подоконников не убирали, и скоро в них вырастали тощие сорняки. Соседи, которые словно бы договорились раздавить участок семьи Федора вместе с его обитателями, возводили высокие внутренние заборы, каждый раз стремясь оттяпать хоть пару сантиметров чужой земли, сажали вдоль межи непроницаемые колонны деревьев, загораживающих солнце. Давление было настолько осязаемым, что огурцы в Федином огороде вырастали сплюснутыми с двух сторон, а редиска, вместо того чтобы округлиться, вытягивалась в длину. Возможно, именно необходимость постоянно бороться с давлением, развила у Федора резиновое терпение и жесткую внутреннюю дисциплину, которые пригодились ему в будущем на «резиновой» корпорации...

Федор был третьим ребёнком в семье, и когда пришла его очередь родиться, у родителей уже закончились все влажные поцелуи в лоб и в макушку и остались только сухость и ворчливость. Они воспитали в нём привычку строго соблюдать правила и безоговорочно выполнять распоряжения старших, а также восхищаться рукой дающей, во всяком случае, Федор выражал искреннее восхищение, как безупречной жизнью родителей, так и многими своими школьными наставниками.

Возвращаясь из школы по разбитым грязным тротуарам своего города, Федор только и делал, что представлял себя «белым воротничком», успешным клерком в стерильном, стеклянном офисе, какие показывали в кино, с телефоном в одной руке и бумажной кипой в другой. Их город был настолько мал, что крупные корпорации даже филиалов в три стула здесь не держали. Поэтому, намечтавшись об офисном кресле до неприятного, тоскливого опустошения, Федор начал строить планы своего триумфального восхождения на почетные этажи столичных офисных небоскребов.

Он, и без того лучший в классе, удвоил свои усилия. Он нашел видео-курс медитативной дыхательной гимнастики, модной среди московских менеджеров, и теперь каждое утро ни свет ни заря пыхтел, вызывая ругань старшего брата с которым у них была одна комната на двоих.

Он читал книги по самосовершенствованию и развитию личности, культивировал в себе позитивный взгляд на мир и абсолютно не интересовался девочками, за что в классе его объявили голубым и он получил слащаво-издевательскую кличку Гейчик. Ему повезло, что он имел приятную, чуть женственную внешность, серые глаза и пухлую нижнюю губу, а иначе звали бы его просто педерастом...

Станным образом из школы кличка перекечевала в московский университет, куда Федор прошел по результатам выпускных тестов. Здесь, оказавшись в компании «московских штучек», которые и подготовлены были лучше и могли позволить себе нанять любых репетиторов по любым предметам, Федор похудел от усердия.

Обманываясь его кличкой, с ним безуспешно заигрывали гейчики не по прозвищу, а по призванию. Так у него появился приятель, с которым, пока он пытался добиться успеха у Федора по сексуальной части, они успели подружиться. Приятеля звали Валерой и он, также как и Федор, приехал из глубинки полный амбициозных планов. А что до девушек, то Федора они очень даже будоражили и возбуждали. Но он так загружал себя занятиями, что на отношения у него не хватало ни сил, ни времени. И Федор терпеливо ждал того момента, когда закончит институт, получит работу и времени у него поприбавится. Вот тогда-то, успешный и привлекательный, он докажет всем, что и по части женщин он не промах...

- То есть теперь ты важная штучка?
- Ну, вроде того. Во всяком случае, на меня в офисе все так смотрят... Как будто я кинозвезда. Особенно бабы. Если бы не моё воздержание, я бы, наверное, любую мог завалить прямо в кабинете!
- Эй-эй-эй! Что за грязные мысли? Тебе ж нельзя!
- Это не у меня грязные мысли, а у наших «резиновых» курочек.
- О! Резиновые курочки! Ты, я смотрю, тот ещё извращенец!
- Федор и Валера сидели на Фединой съёмной квартире.
- Мне кажется, ты должен потребовать, чтобы всем вашим выдали очки и обязали носить. И одни для меня заодно.
- Темные? Думаешь, скоро от меня начнет исходить ослепительное сияние?
- Валера захохотал.
- Да нет же! Ты лопнешь от самомнения, и все морды им забрызгаешь!
- Федор устало улыбнулся в ответ.
- Мне некогда будет раздуваться. Мне составили такое расписание, что с завтрашнего дня до самой церемонии – ни одного просвета! С утра до вечера, домой – только спать!
- Зато потом...
- Да...
- Покажи расписание?
- Федор полез в сумку.
- Но очки всё-таки требуй. Ведь они могут тебя замарать своими похотливыми и завистливыми взглядами, подумай. Всего тебя обпачкают, а потом скажут, что ты сам виноват. Нужны специальные очки, которые работают как энергетические фильтры. Отфильтровывают аморальные мысли. Чтобы на тебя ничего не попало, никаких темных энергий.
- Федор достал юником и теперь искал в нём расписание.
- Взять хотя бы меня. Я на тебя смотрю и мысленно тебя раздеваю, раздеваю, ширинку тебе расстегиваю...
- Да пошел ты! На, смотри лучше на расписание... – Федор протянул телефон.
- Тренинг «Управление мыслями»... Медитации... Танец мандала... История корпорации... Развивающая йога... Энергетика питания... Чакровое дыхание... Фитнес... А зачем тебе фитнес? Чтобы ты хорошо смотрелся, когда будешь идти к алтарю?
- Я должен быть хорош во всех отношениях. Не смотреться, а быть.
- Аааа... Чистка энергетических каналов... Тренинг «Позитивное мышление»... Медитативно-дыхательная гимнастика... Тренинг «Интенсивное духовное развитие»... Медитации... Опять фитнес... Да уж... Я бы точно рехнулся...
- Там многие тренинги были и раньше. Просто раньше они были раз в неделю, а теперь – каждый день.
- Хочешь сказать, что когда меня загребут в какую-нибудь корпорацию, я тоже должен буду ходить на все эти тренинги и медитации?
- Ну да. Их сейчас везде проводят.
- И обязательно ходить?
- Ну я ж не знаю, как у вас будет. У нас никого ходить не заставляют. Но если не ходишь, то долго не проработаешь.
- Не люблю тренинги.
- Не любишь?! Да ладно! Когда-то это все было за деньги. За большие деньги, между прочим. А теперь если у тебя приличная работа ты получаешь это все за просто так. Это же круто, когда имеешь возможность бесплатно совершенствоваться!
- Круто, когда ты имеешь мужика...
- Да прекрати ты, придурок!

– Тебе нельзя сквернословить, не забывайся!

– Иди ты!

– Да, да, да! – Валера, кривляясь, начал вытаскивать ремень из брюк, – Оскорбляй меня! Давай-давай, мой сладкий! Прояви агрессию! На, исхлещи меня! – он протянул ремень Федору, – Ты же сам говорил, что они читают ваши мысли! Они узнают, какой ты грязный и вышвырнут тебя! И тебе останется только поступить ко мне в содержанки... – Он принялся хохотать.

– Ты сегодня какой-то шальной...

– Я всегда такой. Это просто ты раньше не замечал. А теперь отчистился духовно, глядь! – а в мире и ещё люди есть, помимо тебя... Вот я, например.

Федор и вправду пристально посмотрел на Валеру. Тот сидел на диване, закинув ногу за ногу, и играл тапком. Он был небольшого роста, телосложение имел цыплячье, зато голову – непропорционально большую, с тонкими и слишком длинно прорезанными губами, с бледно-кариими невыразительными глазками. На лбу у него уже сейчас начали намечаться залысины, которые он прикрывал беспомощной редкой челкой.

– Слушай, я понял! Ты просто мне завидуешь!

– Чему же тут завидовать, дурочка? Медитациям нон-стоп?

– Ты завидуешь, потому что ты пока никто, а у меня всё на мази. Ещё чуть-чуть и... Сразу после двадцать четвертого меня, скорее всего, уже назначат старшим менеджером. А ты всё учишься. И мужики на тебя не клюют.

В тот момент, когда Федор произносил последнее слово своего обличительного монолога, он вдруг понял, что перегнул палку и пожалел, что начал. Сейчас Валера обидится и уйдет. А как же его, Федора, духовное очищение? Прибавит ли ему баллов такое поведение? Он уже собрался извиняться, но Валера отреагировал неожиданно спокойно.

– Насчет мужиков ты сильно заблуждаешься. Для того, чтобы произвести впечатление, не обязательно быть смазливчиком.

– Я что-то не то сморозил. Ты извини.

– Так мысли-то читают?

– Какие мысли?

– Откуда я знаю? Про резиновых курочек, например... Ваши психологи.

– Ты не понимаешь! Это просто часть занятий. Неотъемлемая часть. Чтобы понять, как со мной работать, нужно разобраться, как я мыслю. Можно, конечно, тесты, но это долго и не так эффективно. Проще подключить меня к компьютеру. А потом бывает много скрытых негативных мыслей, которые и сам не замечаешь. Без компьютера их просто нельзя выловить.

– А если вдруг при чтении мыслей выяснится, что ты маньяк?

– Ну, значит, ты и есть маньяк, ведь не чтение мыслей тебя таким сделало.

– Нет, но до этого ты был ментальным маньяком, а после – стал настоящим. Потому что все узнали, что ты маньяк. И стали к тебе как к маньяку относиться.

– Слушай, ну где ты видел каких-то там ментальных... – начал Федор, но Валера его перебил.

– И уволили тебя. Потому что зачем компании маньяки? До этого ты работал и все были довольны. А теперь ты уже дважды маньяк, потому что тебе в личном деле сделали запись. Тебе только и остаётся, что взяться за топор... – он увлекся и даже перестал мотать тапком. Глаза его загорелись и больше не были бесцветными.

– Тебе что, правда, интересны проблемы воображаемых маньяков?

– Я к тому, что есть мысли не для всеобщего обозрения. У меня лично есть. Я, например, сегодня на занятиях представлял, что я препода заставил отсосать. В подворотне при-

ставил ему ствол к башке и говорю: давай! Но мне не хотелось бы, чтобы он узнал об этом. Потому что это просто фантазия. А сколько у меня таких мыслей возникало за всю жизнь?

Федор поморщился.

– Слушай, ты какой-то помешанный на своей гомосятине. Тебе, как раз, очень нужны такие тренинги. Ты же с профессиональным тренером-психологом работаешь. И он тебе помогает избавиться от ненужных мыслей. Он, как специалист, точно может отличить, где там у тебя просто фантазии, а где – какая-нибудь болезнь.

– Ох уж эти мне психологи... Что-то сомневаюсь я в их всесииии.

– Вечно ты передергиваешь! При чем тут всесиииие? Я просто говорю – тебе бы не помешало, и всё. И вообще, если честно, я спать хочу невыносимо.

– Предлагаешь мне убраться? Ладно, я тебя понял.

– Да нет, я бы сам ещё поболтал, но просто на ногах уже не стою. Серьезно.

– Нет проблем.

И Валера ушел.

Ближе к середине 2015 года, когда всё прогрессивное человечество затаило дыхание в ожидании последнего дня по календарю не то ацтеков, не то инков, не то еще какой-то древней цивилизации, сейчас уже и не вспомнить, стал очень модным семинар некоего Атареца Джудшивы «Как правильно пережить Апокалипсис?». Моя мать, которой тогда не было и тридцати, ходила на него. Я немного помню то время: у нас дома часто собирались пестрые, улыбочивые люди – мамины друзья – они болтали про вегетарианство и трансерфинг реальности, про свои поездки в Индию; пили очень крепкий, густо-коричневый китайский чай с привкусом земли из маленьких чашечек, который для меня мать всегда разводила кипятком; и ждали конца света. Однажды один из этих людей – спокойный и не слишком разговорчивый, который очень нравился мне тогда, в детстве, потому что у него на голове были тоненькие сосисочки дредов, собранные в один сноп тремя разноцветными гибкими жгутами – сказал: «А я, между прочим, уже собрал тревожный чемоданчик». Все засмеялись, а он почти что обиделся: «Да нет, серьезно». «Он тебе не понадобится, Кольчик. Ведь он исчезнет вместе с нашими физическими телами», – сказала какая-то девица с массивными эмалевыми серьгами в ушах, серьги были расписаны яркими птицами и немного напоминали бабушкины жостовские подносы в миниатюре, я видел это, когда девушка потянулась к столу, чтобы поставить чашку и её ухо оказалось как раз на уровне моих глаз. «Никто не знает, что произойдет в этот момент», – заметил Кольчик в ответ, – «Возможно, это не исчезновение нашего мира полностью, а только переход его в какое-то другое состояние. Начало новой эры, когда все будет совершенно по-другому». Я не очень тогда понимал о чем идет речь, мне казалось, что они обсуждают какой-то фантастический фильм или, возможно, книгу, но я был полностью на стороне Кольчика – у него были красивые дреды, а у девицы – ничего кроме двух подносов в ушах, которые не представляли никакого интереса, раз даже бабушка хранила их в самой глубине серванта. «Ты можешь организовать секту, – подал реплику кто-то из парней, – вас будут называть „люди тревожного чемоданчика“». Все принялись смеяться и хором острить о будущей секте, когда девица с серьгами громко оборвала их: «Да подождите вы со своей сектой. Мы же ещё не знаем самого главного, – тут она сделала небольшую паузу, – Кольчик, нам всем безумно интересно, что ты положил в этот чемодан?». Все, по-прежнему улыбаясь, уставились на Кольчика. «Ничего» – невозмутимо произнес он. «Как ничего? В каком смысле „ничего“?», – спросил его недоумевающий мужской голос. «Ну а зачем в новую эру тащить свои старые привязанности и зависимости. Тем более привязанность к вещам. На то она и новая». «Зачем же тогда чемоданчик?», – кажется, это спросила моя мать. «Да, Кольчик, зачем тебе пустой чемодан?». «Чтобы, когда Новая Эра наступит, как бы там меня не колбасило в процессе трансмутации, я бы посмотрел на него

и вспомнил, что прошлое было, но все оно помешается в этот маленький чемодан. Настолько я мало использовал тогда свои истинные возможности. И поэтому за него не стоит цепляться, даже если что-то там было мне дорого». Все одобрительно закивали.

В другой раз на таких посиделках моя мать рассказывала про этот самый семинар – «Как правильно пережить Апокалипсис?». Она была совершенно очарована его автором и ведущим – этим человеком со странным именем – Атаресом Джудшивой. «Вы не представляете, насколько он светлый, насколько тонкие вибрации от него исходят! Он просто заходит в аудиторию, и, кажется, что тебя захлестывают свет и благодать!».

Джудшива якобы несколько лет прожил в Тибетском монастыре. Он рассказывал о том, как недели напролет медитировал там без пищи и практически без воды и в эти дни он переживал уникальный духовный опыт. Например, однажды он увидел Землю из Космоса, на ней как на экологической карте, разные зоны были разного цвета, от них словно исходило какое-то свечение, их окутывал туман: над скоплениями крупных городов туман был грязного, темно-серого цвета, практически вся Европа была накрыта темно-серой пеленой. В других местах эта дымка была светлее. В третьих совсем светлая. Но это был не смог, это было вообще не материальное свечение, совсем другое. И было несколько точек на Земле, откуда исходило сияние, словно там были включены маленькие лампочки. Джудшива утверждал, что в тот момент он не понял, что это за лампочки, и только потом, уже позже, когда он стал изучать карту мира и смотреть, что это за сеть иллюминации раскинута по всей Земле, он обнаружил, что на месте лампочек были монастыри. Афон, Тибетский монастырь в котором он несколько лет «стажировался» – все они сверкали маленькими, но очень яркими лампочками на карте. Осознав, таким образом, общую цель всех религий – приготовить человечество к 2015 году, Джудшива рассказывал, как собрать своеобразный «духовный тревожный чемоданчик», то есть подготовить тонкие тела, привести в порядок свои мысли, отпустить прошлое, разобраться с кармическими долгами и прочее.

Мать была в полном восторге от всего, что он говорил. Она утверждала, что даже если не выполнять его предписаний, а просто присутствовать на занятиях, несколько часов в неделю находиться в одной комнате с этим святым человеком – это уже настолько очищает, что достигнуть подобного состояния в домашних условиях не возможно в принципе.

Джудшива имел большой успех не только у моей матери – пока мир лихорадило от системного кризиса капиталистической экономики и ощущения близкого конца времен, его душеспасительные книги продавались миллионными тиражами.

В день светопреставления, 20 августа 2015 года Джудшива заповедовал своим слушателям и читателям не выходить из дома, остаться с родными и всем вместе читать одну и ту же мантру. «Мы, миллионы людей с любовью в сердце произносящие священные слова, поможем не только самим себе, но и всей нашей планете совершить менее болезненный прыжок в новое духовное измерение», – написал он в своей книге. Моя мать именно так и сделала – она осталась дома и читала мантру. Но наступила полночь, а ничего не менялось. По этому поводу мать велела мне укладываться спать, а сама продолжала бубнить мантру ещё некоторое время. Я слушал её тревожные шепоты и вздохи – дверь в мою комнату была приоткрыта – пока не заснул.

А следующим утром выяснилось, что в Интернет запустили очень странный вирус. Видимо, хакеры, которые его создали, не только не верили в конец света, но и считали всеобщую шумиху отличным поводом для стёба. Вирус получил название «Spirit of Negation» и изрядно насолил тогда рекламщикам. Каждый раз, когда кто-нибудь кликал по рекламному баннеру с вопросом вроде «Возможно ли избавиться от нежелательных волос навсегда?» его перекидывало не на сайт производителей эпиляторов, а на абсолютно черную страничку, где большими белыми буквами было написано только одно слово: «Хуюшки!». Тоже самое происходило при кликании на баннеры «Можно ли раз и навсегда победить запах изо

рта?», «Может ли обед в ресторане стоить 100 рублей?», «Бывает ли хорошая обувь дешевой?» и на все им подобные. А поскольку рекламный трюк с манящим вопросом был весьма распространен, сайт, со сверх минималистским дизайном и контентом из одного матерного слова, мгновенно стал самым посещаемым сайтом в России.

Интересно, что Атарес Джудшива, певец Апокалипсиса, не утратил своей популярности и после того, как конец света не состоялся в намеченный срок. Вроде бы, он объявил что их совместные усилия – усердное чтение животворящей мантры, возымело даже большее действие, чем он мог предположить – воистину безгранична милость Божья! Конец Света отступил на неопределенный срок и у тех, кто ещё не стал на путь духовного развития, появился шанс войти в будущую эру просветленным и очистившимся – записаться на его новый семинар.

День рождения «Танит-Групп» Андрей выбрал по нескольким причинам. Во-первых, дата и место его проведения были известны загодя, причем не откуда-нибудь, а прямо из публичных СМИ. Во-вторых, там должны были присутствовать все влиятельнейшие магнаты и олигархи, определяющие политику государства. В то же время день корпорации – мероприятие массовое, и проникнуть на него, а потом подобраться вплотную к потенциальным жертвам, несомненно легче, чем попасть на деловую встречу или заседание закрытого клуба.

Если ты собираешься сделать что-то сложное и необычное, то, прежде всего, поинтересуйся – не делал ли кто-нибудь нечто подобное до тебя. А если делал, то удалась ли его затея. Андрей именно так и поступил, разрабатывая операцию в «Танит-Групп». Выяснилось, что ещё тридцать пять лет назад, в 1996 году «Революционное движение имени Тупак Амару» в Перу успешно захватило резиденцию японского посла. Сходство случаев состояло в том, что во время захвата, в резиденции тоже праздновали День рождения, только не корпорации, а японского императора. При этом гостей собралось больше пятисот человек и среди них немало высокопоставленных особ. Как же перуанским радикалам удалось проникнуть на столь закрытое мероприятие, в здание, которое, безусловно, охранялось? Они устроили небольшой театр-маскарад, появившись на пиршестве под видом официантов. Эта идея показалась Андрею очень подходящей. И он с ещё двумя товарищами встретился в Филевском парке, чтобы как следует обсудить детали. Филевский парк они выбрали, вовсе не пародируя созданный Кутузовым совет в Филях, а просто потому, что рядом с ним жил один из троицы – Генерал.

– Предположим, мы прикинулись официантами и в здание проникли, – начал Генерал после того, как Андрей изложил историю перуанских марксистов. – Но как мы их убьем? Заколем вилами?

Все трое задумались. Отравление едой отмени сразу – на фуршете очень сложно подсунуть конкретный пирожок нужному человеку. То есть, нет никаких гарантий, что пациент съест пирожок с ядом. А уж одновременно подсунуть пять пирожков пятерым разным людям – это, вообще из области фантастики. Можно, конечно, для верности отравить всю еду, но тогда получится не террористический акт, а геноцид. Причем «разбомбить деревню» не означает «убить старосту». А что если пациент худеет и сидит на диете? Или перед фуршетом плотно закусил в ресторане и не позарится на халявные пирожки?

– Пистолеты с глушителями? – спросил Давид Сосиска. Вообще-то, его фамилия была Маркарян, но однажды он отпустил пышные усы и товарищи посмеивались, будто он подражает другому армянскому революционеру – сталинскому наркому Микояну. Усы Давид, пытаясь отделаться от навязчивой ассоциации, очень быстро сбрил, но было поздно – прозвище уже прилипло. Со временем, по вине бессмертного одноименного мясокомбината, кличка мутировала, и из Микояна Давида переименовали в Сосиску.

– Херню вы несете, товарищ Сосиска! У названного вами оружия три существенных недостатка. Каждый пистолет имеет индивидуальный почерк и поэтому легко идентифицируется. Это раз. Если тебя с пистолетом на улице хлопнут, то ты сядешь без всякого теракта. Это два. А потом, где мы пять пистолетов возьмем? Боевые купить сложно, а переделывать – так он, может, вообще не выстрелит. Или взорвется в руках, – и Генерал, словно демонстрируя эффект взорвавшегося пистолета, с силой кинул в Москву-реку небольшой камешек, который до этого крутил в руках.

Мнение Генерала в вопросе подготовки военных операций было решающим, потому что он в свое время закончил третий факультет Военно-Дипломатической академии. На самом деле, никаких крупных звезд на погонах у него, конечно же, не было – уволился из Вооруженных сил в звании старшего лейтенанта, – но друзья уважительно прозвали его товарищ Генерал.

– Что же их голыми руками душить? – мрачно спросил Андрей.

– Я б смог задушить одного-двух – заметил Генерал – но их пятеро, а вы к ним даже близко не подойдете.

Андрей ещё больше помрачнел. А Сосиска наоборот развеселился:

– А мы как Робин Гуд из самодельных луков их перестреляем! Горящими стрелами! У моей сестры как раз зеленые колготки есть! – они с Генералом рассмеялись.

– Ладно, раз Яша женские колготки одевать не хочет, давайте их заплеем насмерть! Как японские ниндзя!

Яшей Андрея окрестили в честь большевика Якова Свердлова, носившего в подполье кличку товарищ Андрей.

– Что ты балаган-то разводишь, мы же по делу собрались, – рассердился Андрей.

– Да нет, я серьезно! Убивали ведь раньше из плевательных трубок, чем мы хуже японцев?

– В принципе... – задумчиво протянул Генерал, – только тем, что ты стрелять из нее не умеешь.

– А что там уметь? Дунул – и пожалуйста!

– А что, Яша? По дальности прицельной стрельбы духовое ружье с пистолетом Макарова сопоставимо. Бесшумное. И пронести его легко.

– А делать мы их сами будем? – заинтересовался Андрей.

– Зачем? Купим американские «Предаторы» или японскую «Фукивару». Только одна проблема – из них стрелять сложно.

– А что сложного? Это же все равно, что в дудочку дуть! Флейтисты-убийцы!

– Сосиска, ты когда-нибудь на трубе играл?

– Я в детстве пробовал на дудуке научиться, но у меня слуха нет.

– Должен тебя огорчить – принцип дутья там совершенно другой.

– Подожди. Ты сам-то умеешь или только на лекции слышал?

– На охоту не ходил, но стрелять пробовал. Да любой за пару недель сможет научиться. Как думаешь, Яша?

Андрей поморщился.

– Как-то это несерьезно выглядит. Как в кино про индейцев. И потом, если это так легко, так почему другие этим не пользовались?

– У людей, Яша, есть психологические барьеры. Ты знаешь, что когда эсеры самодельные бомбы в царя кидали, уже давно существовали армейские гранаты? И винтовку нарезную изобрели. Как это объяснить? Да и плевательные трубки только в Европе не в моде – у нас поля и степь, а они на открытой местности неэффективны. Зато в филиппинских джунглях во время Второй Мировой местные японцев вполне успешно из духовых ружей щелкали.

– А яд?

– Кстати, да, – подхватил Сосиска. – Ниндзя стрелы соком ядовитых растений смазывали. А мы где яд будем брать?

Генерал задумался.

– Жуки африканские? – он вопросительно посмотрел на товарищей. – Нет, их достать очень трудно...

– Что еще за жуки?

– Ну, есть такие жуки в пустыне Калахари, бушмены с помощью их яда себе мясо для жаркого добывают.

Генерал замолчал задумчиво, а Сосиска и Андрей выжидающе не сводили с него глаз. Потом Сосиске это надоело, и он спросил:

– А чем яд ниндзя нам не подходит? Япония все таки поближе чем Калахари...

– Я точно не знаю, чем ниндзя пользовались. Скорее всего, что-то из семейства лютиковых. С этими лютиками есть проблема – смертельная доза миллиграммов пять, не меньше. На стрелу столько не намажешь.

– Значит, нужен другой яд, посмертоубойнее, – заключил Сосиска.

– Или нужен летающий шприц с пневматической трубкой.

Сосиска и Генерал хором задали два разных вопроса.

– Летающий шприц?!

– Ветеринарный?

– Да, Сосиска, есть такие. С их помощью животных отлавливают. Выстреливают шприцом, он автоматически выпускает лекарство и животное засыпает. А с нашим лекарством козлы заснут навсегда.

– Слушайте, идея отличная! – обрадовался Генерал. – Их и купить можно без проблем!

– Пронести сможем?

– А чего не пронести, они ж пластиковые! А газовые баллончики для них положим к сифонам. Скажем, если что, что газированные коктейли подавать собираемся.

– А лютики кто собирать поедет? Они где растут-то вообще?

– В России – на Дальнем востоке, – отозвался Генерал. – Я бы сам мог и съездить.

На этом и порешили.

– Значит, мы их как собак перебьем! – восторгался Сосиска. – Собакам – собачья смерть!

– Осталось решить один вопрос...

– Какой?

– Как заполнить заказ на обслуживание фуршета?

Лия, легкая, в бело-лиловом платье летит над лесом. Летит сквозь лето, сквозь восторг охваченных солнцем деревьев. Внизу – одуванчики размером с тарелки и блюда. И бордовые башмачки на толстых зеленых стеблях. Такого размера, что Лие будут велики, хоть она и не Дюймовочка совсем. А ещё голубые колокольчики. Колокольчики смотрят вверх, на Лию, в них на треть – вода. Они такие огромные, что в каждом может поместиться целая девочка. Лия осторожно спускается, хватается руками за тычинку, чтобы не поскользнуться на голубом выпуклом дне. Вода такая теплая, ароматная, чуть выше колен и едва-едва не касается платья. Лия отпускает тычинку и смотрит на свои ладони. Все пальцы желтые от пыльцы. И тут Лия понимает, что ей всё это снится. И что наяву её ноги по колено в воде. И что ей нужно идти на вечеринку в честь Дня архитектора. И что если она сейчас же не проснётся, то вконец опоздает. И она открывает глаза...

Лия любила море с самого детства. Она всегда ждала лета как величайшего праздника – ведь летом будут самолет, сланцы и пляж. Но когда Лия стала взрослой, всё изменилось.

Оказалось, что лето – вовсе не обязательно время, когда достаешь из шкафа мятую дорожную сумку, и нежданно-негаданно находишь в её боковом кармане небольшой пористый камень, который до сих пор немного пахнет морем. Иногда это – когда по всей квартире разбросаны распечатки чертежей, а ты почти до утра пялишься в монитор, потому что через неделю тебе сдавать проект торгового центра. А лето там, за окном, кончается... А ты его и увидеть-то не успел... И когда в такие горячие моменты Лие предлагали съездить куда-нибудь поближе – ведь страсть к странствованию можно если не утолить, то, во всяком случае, перебить и совсем небольшим путешествием, Лия всегда отвечала, что это всё – приники, а море – её хлеб насущный. И это была чистая правда. Ведь не зря же среди её предков были викинги, которые с остервенением носились по северным морям туда и сюда. Могли ли они заменить своё море пешеходной прогулкой в соседнюю деревню?

Лия – архитектор. Два года назад, когда она возглавила разработку проекта конгресс-холла для «Танит Групп», она решила сделать себе какой-нибудь подарок. Всё-таки «Танит Групп» – огромная корпорация, они хотят, чтобы их новый концертный зал был самым современным и самым необычным зданием в Москве!

Вообще-то проект достался Лии случайно. Над ним должен был работать её научный руководитель, архитектор со стажем и связями Владимир Андреевич Ячменев. А помогать ему должны были свежеепеченные выпускники и учащиеся старших курсов, объединенные в студенческое предприятие «Архитектурная студия Владимира Ячменева и его учеников». К моменту, когда предприятие выиграло тендер на проектирование конгресс-холла «Танит Групп», оно существовало уже несколько лет. Студенты и выпускники в основном выполняли рутинную работу, как это говорят «приобретали бесценный опыт», а Ячменев творил. Впрочем, иногда у него не доставало времени, и тогда кое-кому из его учеников удавалось поработать над интересными заказами, пусть и под прикрытием известного имени. Лия – хорошенькая, вежливая, жизнерадостная, была у Владимира Андреевича любимой ученицей. И когда друзья-эмигранты внезапно пригласили его прочесть курс лекций в Институт архитектуры Южной Калифорнии, Ячменев спросил у Лии: «Справишься? Я тебе, конечно, буду помогать, но сама понимаешь – заочно...». Но американская жизнь так увлекла мэтра, а Лия так понравилась заказчикам, что вскоре Владимир Андреевич полностью переложил проект на ученицу, делегировав ей полномочия главного архитектора. А вместе с полномочиями и значительную прибавку к гонорару. И Лия решила подарить себе домашнее море. «Если я не могу ездить на море так часто, как хочу (а будь моя воля, я бы поселилась на острове, чтобы море всегда было рядом и со всех сторон), так вот, если я этого не могу, – думала Лия, – то почему не сделать так, чтобы море приехало ко мне?» И море приехало. В виде многих квадратных метров ударопрочного стекла. В мешочках песка и гальки. В саженцах морских водорослей и рыбках-чистильщиках. И, само собой разумеется, в морской воде. Лия сама разработала проект квартиры-аквариума. Слава богам, в её доме были высокие потолки!

Теперь, чтобы попасть в её комнату, нужно было подняться по небольшой деревянной лестнице, словно соединяющей трюм и палубу. А дальше вместо пола была морская гладь, пересеченная узкими деревянными мостками. Мостки вели к оазисам наземной жизни: к застекленному книжному стеллажу, к нависшему над водой дивану, к качелям, закрепленным к потолку на такой высоте, что ноги катающегося по щиколотку тонули в воде и рассыпали веселые брызги... По стенам Лия развесила декоративные штурвалы и, покрытые специальным водонепроницаемым прозрачным пластиком, оранжево-зеленые картины с размашистыми подписями друга-художника. Лия не раз замечала, как на его выставках посетители, вопросительно поводя глазами по полотнам с хаотичными цветовыми пятнами, начинали детально изучать подпись... Увы, это была единственная часть картины,

глядя на которую они не чувствовали себя полными идиотами... Но Лие картины нравились – от них круглый год веяло травой и солнцем.

Возле большого окна стоял на якоре макет двухмачтового парусного корабля. Ванная и вторая комната, служившая Лие рабочим кабинетом, мало чем отличались от гостиной. Только кухня и прихожая сохранили прежний твердый пол. Тут Лия ограничилась цветочными горшками в виде гигантских ракушек, и ещё некоторыми декоративными мелочами, которые намекали, что и тут когда-то было море, но теперь оно временно обмелело.

Лия открыла глаза на диване, она заснула сидя, свесив ноги в морскую воду. На дне колыхались зеленые пучки подводного укропа и дрожали бурые округлые булыжники. Она пошевелила раскисшими пальцами ног, ещё немного посидела с закрытыми глазами, удерживая в памяти насыщенно желтые гигантские одуванчики – думать о них было тепло и приятно – встала и пошла собираться.

Профессиональный праздник отмечали в кафе-клубе при Доме архитектора. Музыка задорно неслась над переулком, словно надеялась расшевелить неподвижные старинные дома. Когда Лия вошла внутрь, народу уже было видимо-невидимо и всюду царило блаженство первой стадии опьянения. Вынырнув из своего благостного сна и очутившись вдруг посреди суеты, которая показалась ей оглушительной, Лия растерянно озиралась, пока кто-то не дернул её за рукав.

– Лийка! Ну, наконец-то! Мы уже боялись, что ты не придешь!

И через мгновение она оказалась за тесным столиком в компании своих приятелей по институту. Говорили про работу, про то, что новое здание офисного центра на Маросейке в окружении старых домов выглядит также, как если бы в цепочку солдат на утреннем построении поставили скелет из анатомического класса... Про то, что архитектор, его спроектировавший, – дурак, а с другой стороны, чего ждать-то – ведь наша архитектура сильно отстаёт от европейской и по материалам, и по тенденциях... И учат у нас хуже, и работают небрежнее...

Время от времени к их столику подходили какие-то люди, знакомые знакомых, и началась бессмысленная процедура представления. Бессмысленная, потому как никто никого уже не запоминал, и все были достаточно пьяны и благодушны, чтобы считать «своим» любого без разбора и в независимости от того, можешь ли ты назвать его по имени.

Потом пришло время воспоминаний. Вспомнили, как на первом курсе ходили в гости в общежитие. Собрались в комнате у одного парня и предались самым невинным развлечениям. Пили коньяк, ели торт, разрисовывали друг другу спины и плечи – кто-то предложил посоревноваться в искусстве боди-арта. Вдесятером валялись на двух сдвинутых кроватях, горланили песни под гитару. Одно только было помехой – периодически повторяющиеся стуки зануды из соседней комнаты. Пару раз зануда стучал в дверь и грозил, что вызовет охрану. Ему предлагали коньяк – хоть и зануда, но всё же человек – он вежливо отказывался и шел восвояси. Но ближе к пяти утра он всерьёз заволновался. Стуки участились. И когда зануда появился к дверям, выведенный из себя хозяин комнаты огрел его сковородкой по голове. Ласково так огрел, не чтобы там покалечить или ещё чего. Просто, чтоб не отвлекал больше. А через пять минут постучали охранники.

– Ну мы все на этой сдвинутой кровати прижались друг к другу и одеялами накрылись с головами. Сидим тихо и боимся. А хозяин выключил свет и пошел открывать. Охранник ему: что за дебош? А он: я, говорит, сплю вообще. Чего вы меня будите среди ночи вообще? Ну а сковородкой ты зачем дерешься? – охранник его спрашивает. А чего он ко мне среди ночи вламывается вообще? И тут зануда подскочил. Да у него там... – говорит, – они там пьют! Вон, бутылки пустые в темноте мерцают... Гадёныш. Ну, охранник зашел и свет включил. А на кровати – долина холмов. Он одеяло дернул, а мы там полуголые, пьяные, с ошалелыми глазами и боди-артом на разным местах... На следующий день нам всем объ-

явили строгий выговор за участие в групповой оргии... Хотели даже отчислить, но потом пожалели. Так что мы отделались объяснительными и даже в личное дело заносить не стали. Только тому, который бился сковородкой, тяжело пришлось. Его из института вытурили и он поехал к себе домой. Наверное, баранов теперь пасёт. Но он по другой статье потому что пошел. У него не изощренное сексуальное преступление, а банальное рукоприкладство...

Над этой историей долго смеялись. И тут за их столиком появился молодой человек, который привлек Лиюно внимание. Его звали Андрей. Андрей был среднего роста, но из-за хорошей осанки, какая обычно отличает танцоров или некоторых спортсменов, он выглядел очень стройным. В первое мгновение, когда Лия его увидела, ей пришло в голову, что он актер. Она и сама не знала почему, но ей на секунду показалось, что он участник какого-то розыгрыша, придуманного её приятелями. Что он вот-вот начнет выкидывать самые неожиданные коленца: может быть, запрыгнет на стол и примется танцевать, или скажет патетическую речь или разыграет трагическую сценку из Гамлета... Он был высоколобый, голубоглазый, темноволосый. Лия пыталась потом вспомнить, чьим знакомым был Андрей. Но то ли из-за того, что сонная рассеянность ещё не прошла до конца, то ли из-за того, что Лия слишком увлеченно разглядывала Андрея, момент представления сразу же стерся из её памяти... Она помнила только, как кто-то сказал, что он кибернетик и она удивилась про себя – как, не актер, не танцовщик и даже не банально – архитектор? – но кому принадлежала эта фраза о кибернетике?

...И всё же Андрей был немного танцором. Во всяком случае, для Лии. Потому что уже через час она с ним танцевала, и танцевал он отлично.

– Где ты научился так танцевать? – Лия спросила, и подумала, что эта фраза и вся эта ситуация, кажется, была в каком-то фильме. Или всё наоборот? Всё это уже однажды было в жизни, а сейчас попало в фильм. Ну а что удивительного? Если ты танцуешь с актером-танцором-кибернетиком, то мудрено ли загреметь в киноленту?

– Несколько лет ходил на танцы. Ещё когда учился в школе. А потом только на плавание. Но чем плавание – не танец?

– Любишь плавать?

– Люблю воду.

– Я тоже. А больше всего – море.

– Когда я был подростком, мы вместе с друзьями построили настоящую двухмачтовую шхуну. Нам помогал отец одного из ребят из нашей компании – он в юности плавал на паруснике «Седов» и был болен парусами. Как и все мужчины в их семье. Они были потомственными моряками. Настоящая морская болезнь, понимаешь?.. И вот мы сами сшили паруса, сами выточили штурвал...

У Лии загорелись глаза. История была, как будто на что-то похожа, но какая разница... Ей ли не знать, что такое морская болезнь?! Ей, у кого вместо дома – аквариум! Она уже хотела сказать об этом, но сдержалась.

– Ух ты... И что дальше?

– Дальше? Дальше мы убегали от обычной городской жизни.

– В смысле?

– Мы выходили на нашей шхуне в озеро и представляли, что мы – древние викинги-мореплаватели. Что мы плывем открывать новые земли... Даже бутылки с записками бросали за борт.

– И где теперь эта лодка?

– Теперь? Не знаю. Много лет прошло. Но, думаю, там же, на даче у семьи любителей парусов. Это ведь настоящая шхуна, её в чемодане не увезешь.

– Между прочим, у архитекторов тоже есть «паруса». Это такие треугольники возле купола.

...Но танец кончился, и Лия зашла в туалет, на двери которого было маленькое изображение женщины в огромной шляпе, каких уже давно никто не носит. Табличка новая, а шляпа старая... Нелепо! – подумала Лия мельком. В туалете она долго изучала себя перед зеркалом, как будто одно это магическим образом приближает к совершенству. Она поправила волосы, одернула платье. Но когда Лия вышла и, уверенная в своей неотразимости, улыбаясь, зашагала к стойке бара, где оставался Андрей, ей в ответ улыбнулся только бармен. Лия заказала себе коктейль. Андрея не было. Она хотела справиться о нём у бармена, но того окликнул подошедший официант, и она передумала. Лия ещё постояла у стойки, надеясь, что Андрей сейчас вернётся, но его нигде не было видно, и она, раздосадованная, возвратилась за столик.

За столиком обсуждали кого-то из бывших сокурсников, но Лия слушала в пол-уха. Время от времени она ещё озиралась, но, так и не заметив бывшего мореплавателя, решила, что он уплыл прямо у неё из-под носа. А ведь они даже телефонами не обменялись! «Ну что ж... значит не судьба...» «Да ведь вы знакомы-то были каких-то полчаса! Было бы из-за чего расстраиваться! «– тут же оборвала она сама себя.

Но Лиино самолюбие было уязвлено, и хотя её пьяные друзья ничего не заметили, со стороны было забавно смотреть, с какой преувеличенной веселостью она нырнула обратно в разговор за столиком. Она залихватски откидывала волосы, падающие на лицо, и отчаянно жестикулируя, явно соревновалась в остроумии с крупным курчавым парнем, сидящим напротив, так что вся компания то притихала, то разражалась взрывами хохота. Лия словно бы на время превратилась в бесшабашного моряка из рассказа Андрея, оставалось только сменить голубое платье на рваную тельняшку...

Лия предложила заказать шампанское, а потом пойти танцевать. Но когда она мельком оглянулась на приближающегося официанта с серебряным ведерком на подносе, за его спиной она увидела Андрея и «волнистую» брюнетку в вызывающе-красном платье и туфлях на каблуке такой высоты, что эти туфли можно было бы использовать вместо стремянки, если нужно поменять лампочку под потолком... (Волнистой брюнетка была не только потому, что яркостью расцветки походила на попугая, – её локоны вились волнами, и она время от времени бросала на окружающих мужчин волнительно-томные взгляды). Парочка, о чем-то оживленно беседуя, спускались по лестнице со второго этажа кафе. Как только разлили шампанское, Лия схватила свой бокал, встала, и, не забывая думать о том, как она выглядит с той стороны, где по её версии должен сейчас находиться Андрей, сказала тост. Она предложила выпить за то, чтобы чувство вкуса, которое в высшей степени развито у всех присутствующих, никогда им не изменяло...

Не успела Лия допить свой бокал, как Андрей вернулся к их столику. Он сел рядом с Лией на принесенный с собою стул. Его тут же стали расспрашивать, что там творится на втором этаже.

– Что же ты не привел сексапильную брюнетку в красном? – спросил кто-то пьяным голосом, – Может быть, она бы станцевала для нас на столе?

Все пьяно засмеялись и Андрей, воспользовавшись паузой, наклонился в Лие.

– Моя старая знакомая... Это она меня сюда пригласила. Не хочешь ещё потанцевать?

И Лия, позабыв, как еще минуту назад была обижена на Андрея, согласилась.

По идее, когда ты очень-очень устал и хочешь спать, но вместо этого тебе приходится целую ночь танцевать, пить, разговаривать и смеяться, а потом гулять по предрассветному городу, по идее после всего этого ты должен чувствовать себя как бурлак после спуска на воду целого флота. Но когда на рассвете Лия вернулась домой, она, словно в своем недавнем сне, легко парила над землей. Она даже решила, что совсем не будет спать (ведь не хочется, так зачем запихивать?), а лучше немного поработает. Лия открыла шторы, чтобы слабый утренний свет, процеженный облаками, свободно лился в комнату, и тут заметила

на подоконнике недочитанный номер «Архитектуры и дизайна». «Дочитаю, пожалуй. Работа не волк...» – и Лия прилегла с журналом на диван. Она начала читать, но глаза механически скользили по тексту, а в голове, как лампочки в темной комнате, вспыхивали события сегодняшней ночи. Вот они с Андреем идут по улице и она, поглядывая на него сбоку, в сером сумраке замечает сосредоточенную, упрямую серьезность на его лице. Он шутит и Лия смеется, но на вытянутое лицо Андрея с прямым, правильным носом, даже тень её улыбки и то не падает. Он похож на бетонную статую советского солдата, собирающегося идти бить немца, только бетонные статуи не имеют чувства юмора. «Настоящий железный человек... – думает Лия, – но какой же невозможно милый и хорошенький!» Ей приходит в голову, что иметь такого у своих ног, влюбленным, потерявшим голову – это, должно быть, всё равно, что редкую и хитрую рыбу поймать, которую десять лет перед тем выслеживал... Потом лиины мысли вышли из-под контроля, словно влились в свободную широкую реку, и она заснула...

Из дневника Андрея. 10 октября

Кажется, она клюнула. Я, в сущности, ничего особенного не предпринимал, просто представил себе, что я профессиональный соблазнитель, этаким Казанова двадцать первого века. Чтобы он делал на моём месте? Я даже не волновался, потому что играл чужую роль. Чужую роль запороть не жалко. Вам нужно море? Оно есть у меня. Я читал детские советские книжки про мальчиков, строящих шхуны, могу пересказать вкратце. Тут главное не увлечься, не вернуться в себя и не начать рассказывать что-нибудь хоть сколько-нибудь сложное и серьезное. Чем каравелла отличается от бригантины ей безразлично. Важно не спугнуть. Но даже если бы вдруг птичка от меня упорхнула – так время терпит, а у нас в запасе еще как минимум пара бравых парней – Сосиска и Генерал. Но я знал, что история со шхуной – то, что надо. Что она ей понравится. Плюс танцы, запах тела, алкоголь. Внутреннее животное должно было среагировать, должно было проснуться и заинтересоваться. Мы танцевали, а потом она оставила меня у стойки бара. И я подумал, что Казанове не пристало стоять и преданно дожидаться женщину. Казанова не теряет времени даром, он свободен и непредсказуем. И я, уже вжившийся в свою роль и даже почувствовавший некоторый азарт охоты, ушел с Ю.. Это тоже сработало – вызвало у Лии приступ ревности. Стало очевидным, что она, ее внутреннее животное, попало на крючок.

В один момент мне даже стало жаль, что я не настоящий Казанова и охочусь не за тем, за чем охотятся такого рода мужчины. Я провожал ее, и мы целовались возле ее подъезда. Но мне нужно держать ее на крючке какое-то время, поэтому я решил на этот раз уйти. Так она привяжется крепче.

Меня поражает Ю.. Смотришь на нее со стороны, в этих ее вызывающе сексуальных нарядах, и поражаешься – кукла, пустышка! Хотя и не в платьях дело, а во взглядах, в осанке – кажется, она кроме мужчин и самой себя вообще ничем больше в этой жизни не интересуется. Трудно поверить, что эта женщина может быть совсем другой, что она тонкий, оригинальный человек, интересующийся политикой, социальной психологией, чуткий к человеческим болям и проблемам. И уж тем более не заподозришь, что она участвует в деятельности революционной организации.

Я часто думаю о том, как люди жили задолго до моего рождения. Они были наивнее, прямолинейнее и бесхитростнее, капиталистический, империалистический характер еще не победил тогда полностью. Еще правили ценности предыдущей эпохи – индивидуальность, благородство, героизм, простота. Это было запечатлено и в самом их быту: шорохи патефонной музыки, стиральная доска, газовая плита, бумажные письма в белых конвертах... Всё такое простое, такое прозрачное. Люди понимали, как устроены окружающие их предметы, следовательно, и мир, и человеческая жизнь казались им несложными, легко изучаемыми, с ясно определенным, познаваемым смыслом. Разве можно ждать подвоха от стиральной доски или от алюминиевого чайника? Простые, добрые, безопасные вещи. То ли дело ноутбук. Пытаясь понять, что у него внутри, трудно поверить, что жизнь такая бесхитростная, как показывают в старых фильмах. Мир оказался сложным, но средний человек не в состоянии разобраться в этой сложности. Да она и не нужна ему, он не хочет о ней думать. Он вообще не хочет думать. И когда его позиции и представления о мире такие шаткие, когда вокруг него непонятный, неустойчивый мир сложных предметов, его чувство тревожности так велико, что он только и ждет сильное плечо, кого-то, на кого можно переложить ответственность за свою жизнь, им еще проще манипулировать.

ГЛАВА 3

Из дневника Андрея. 27 февраля

Я никогда не верил в сверхъестественное. Мне не снились вещие сны, ко мне не являлись привидения. Когда мама погибла, мне хотелось, чтобы загробная жизнь существовала. И чтобы мама, как в кино, приходила по ночам в длинном белом платье, садилась на край кровати и разговаривала со мной. Я ждал её.

Но она так ни разу и не пришла.

Зная, как она меня любила, я видел этому только одно объяснение – она умерла окончательно. Так же, как однажды умру я. Как исчезает любой человек когда-либо живший на нашей планете. Но вопреки поговорке о том, что подобное притягивает подобное, в подростковом возрасте у меня появился очень оригинальный товарищ, я имею в виду Борю. Боря, напротив, был одержим сверхъестественным. Я не знаю, почему мы подружились. Боря всегда был почти инопланетянином, почти сумасшедшим.

Раз в год Андрей встречался со своим давним приятелем – Борей. Боря был идеологом и создателем очень специфической организации под названием «Левая партия магов». Его теория была очень проста. Если Андрей равнялся на Ленина, Че Гевару и Нечаева, то Боря утверждал, что в современном мире, где на стороне капиталистов воюют машины, способные читать твои мысли, легионы видеокамер, подслушивающих и записывающих устройств, да еще и хитрые-премудрые методы манипуляции сознанием, старая модель революционной организации провалится в первые три дня. «Так что же делать? Что мы можем им противопоставить? – спрашивал он. – Всё того же мальчика с пламенным сердцем голыми руками пытающегося сломать шею стальному роботу? Это, знаешь, хорошо только для дешевых фантастических фильмов в стиле „ретро“...»

И он нашел нового мальчика. Сначала в самом себе. А потом – по всей стране. Боря рассказывал, что еще дошкольником он чувствовал «места силы» и общался с лесными духами, живущими в кустах Иван-чая недалеко от дачи его родителей. А в двенадцать лет он обнаружил, что может лечить руками. Во всяком случае, после его чудодейственного массажа у бабки рассосалась грыжа позвоночника.

В нем действительно было что-то магнетическое, и когда он, гипнотизируя вас взглядом, говорил, что головная боль пройдет после нескольких его прикосновений, не верить было невозможно. Когда боль и правда проходила или, как минимум, становилось не такой жгучей, никогда нельзя было понять, помог ли это Боря, или просто вера пациента в волшебную силу Бориных рук. Кроме того, «самозванный доктор» демонстрировал Андрею такие фокусы, которые, если не доказывали его магических способностей, то подтверждали, что он способен обмануть теорию вероятности. Например, он просил Андрея представлять геометрические фигуры и цвета. И угадывал разноцветные квадраты и треугольники с первого раза. Правда, только в четырех случаях из пяти. Но когда Андрей для чистоты эксперимента предлагал Боре поменяться местами, то, как не старался, прежде чем назвать правильную фигуру, перечислял почти все существующие. «Ты можешь стать основоположником нового оккультного течения – объединения контрателепатов, – констатировал Боря. – вы будете опытным путем доказывать, что человек силой мысли может отменить законы природы. Например, математическую вероятность».

В те времена он был худощавым, гиперактивным подростком с сияющими глазами. Полным антиподом мрачного Андрея. Он разыскивал книги по алхимии, магии, шаманизму,

развитию сверхъестественных способностей и уже годам к восемнадцати его комната стала похожа на архив после обыска, где новые книги в беспорядке стояли на полках, были свалены прямо на полу вперемежку со сшитыми вручную распечатками инкунабул, альдин и эльзевиров. Было и несколько оригинальных древних книг, которые Боря бережно хранил в стеклянном ящике, будто это был аквариум для последних особей вымирающего вида рыб. Одна из них, толстенная, в полтысячи страниц, «*Secreti diversi et miracolosi*» знаменитого анатома Габриэле Фаллопио, чьи работы по хирургии сохраняли значение даже в XXI веке, изданная в Венеции в 1565 году. Ещё более толстая «*Magiae Naturalis*» Джованни Баттисты делла Порта. Это было сильно потрепанное голландское издание 1651 года «из мастерской Петра Леффена» со странной гравюрой в начале. На гравюре лысый мужчина в чулках и темном плаще с меховой оторочкой фехтовал на кинжалах со своим собственным отражением в овальном зеркале. Изображен фехтовальщик был очень тщательно, с явным стремлением передать портретное сходство, и в нём легко узнавался автор одного из важнейших трудов по физиогномике Джамбатиста делла Порта. Особо странным было то, что кинжал ученый неаполитанец держал в левой руке! В правой руке у философа была шляпа, которой он прикрывал пах. Лейденское издание «*Anatomia antimonii*» последователя Парацельса итальянца Анджело Сала, неведомо у кого обучившегося химии, и в 16 веке открывшего химические основы фотографии.

Боря умел притягивать людей, подобных ему, и вокруг него быстро образовался кружок юных магов, потомственных гадалок, начинающих медиумов и знахарей. Кого-то из них обучила заговаривать раны родная бабушка из деревни. Боря настоятельно рекомендовал внуку, пока родственница жива, ехать в деревню и узнать, что она ещё знает и умеет. Кто-то делал обереги по методу своего карельского дядьки. Летом друзья ехали отдыхать в Карелию.

Но самым удивительным в Боре было то, что его тяга к мистицизму всегда сочеталась с очень острым неприятием окружающего его современного мироустройства. Со временем (и не без влияния Андрея) он стал всё больше интересоваться политикой, и его охватило жгучее желание применить свои способности для чего-то большего, чем лечение межпозвоночных грыж. Именно тогда он решил, что будет бороться с государственной машиной принципиально новым методом, который как он считал, больше всего соответствует современности. Он решил совершить революцию и переделать мир при помощи магии.

Борина «Левая партия магов» состояла из нескольких секций, каждая из которых действовала автономно. Самой многочисленной была секция злословия. Действительных членов секции было всего несколько человек, но число «народных активистов», которые с удовольствием участвовали в сеансах поношения лиц из черного списка, прирастало каждый день. Особенно ценились «глазливые» кандидаты. Те, кто похвалит ветвистую герань на окне у подруги, а через неделю герань зачахнет... Или восхитится соседским щеночком, а щеночек после этого возьмет, да и заболит неизлечимой собачьей хворью. Такие кадры в секции злословия ценились на вес платины и алмазов. Но и самые обычные граждане, искренне ненавидящие президента, премьер-министра и прочих VIP-персон или черной завистью завидуящие ожиревшим капиталистам тоже шли в ход. Слово — оно ведь всегда материально, кто бы его не произносил. Когда слабых злословов (маломощных, как выражались в секции) собиралось сразу много, они становились силой. Главным врагом секции (да и партии в целом) была непунктуальность. Дело в том, что в назначенные часы злословия, минута в минуту, сотни людей в самых разных уголках страны должны были начать произносить фразы вроде: «Грушин (так звали действующего президента) сдохни», «Чтоб вы там все подавились в кремлевской столовой», «Бутулизм в деловом обеде такого-то и такого-то появись». Героями таких черных мантр становились персоны из специального списка, единого для всей партии. Впрочем, разумная инициатива никогда не возбранялась и поэтому

каждая секция дополняла список своими кандидатурами и у всех были свои «любимчики», которыми занимались особенно плотно. Часто такими добавочными пунктами становились особо злостные главы городов и областей, в которых проживали члены секции, местные высокопоставленные полицаи, банкиры и бизнесмены. В основной же список, в порядке зловредности для дела революции и народа, была внесена вся государственная и банковская верхушка, крупные капиталисты, генералы и старшие офицеры МВД и Госбезопасности. Залогом успеха операции была синхронность произнесения чёрных мантр. В целях конспирации предварительный обзвон участников или другие контакты друг с другом были запрещены. Поэтому каждый ориентировался только на собственные часы, и схему, которая каждый раз, в сущности, была одна и та же: столько-то минут на первого, второго и последующие мишени злословия. При этом спонтанное злословие вне назначенных часов не приветствовалось: считалось, что таким образом только зря рассеивается энергия, мана, которую предписывалось бережно копить.

Ещё одной значительной секцией в «черном крыле» была секция знахарей. Она специализировалась в основном на наведении порчи, венцов безбрачия и прочей традиционной контагиозной магии. Например, члены секции регулярно насылали бесплодие на всю государственную верхушку. Ну, чтобы мудаки не размножались.

При секции действовало небольшое агентство элитного домашнего персонала, которое могло похвастаться самой безупречной репутацией в городе. Не было известно не одного случая, чтобы домработницы, присланные агентством, украли что-нибудь из дома своих нанимателей, не домыли тарелку, не до блеска натерли пол или оставили островок пыли под диваном. Зато они всегда могли порекомендовать умелого стилиста-парикмахера, мастера по маникюру или педикюру. Последние были в секции в большом почете, потому что обеспечивали знахарей локонами волос и ногтями своих высокопоставленных клиентов. Состриженные образцы на всякий случай сохраняли впрок даже в том случае, если посетитель пока не был занесен в черный список. Коллекции элитных парикмахеров и маникюрщиков, сотрудничавших с секцией, вполне могли бы составить конкуренцию собранию зюскиндовского парфюмера... Сложнее было работать с теми, кто презирал советы домработницы или был фанатично верен умелице тёте Лене, приходившей стричь всю семью последние 20 лет. Но и после работы тёти Лены оставались бесхозные состриженные локоны, быстренько становящиеся частью зловещей коллекции. К тому же волосы, как известно, вовсе не обязательно покидают голову, встретившись с ножницами. Они имеют обыкновение выпадать сами по себе.

Замученные несчастьями и болезнями олигархи и чиновники становились менее высокомерными. Испробовав дорогостоящие курсы лечения в лучших современных клиниках, но не почувствовав улучшения, они, наконец, обращали свои взоры к нетрадиционной, сомнительной медицине. Проходил ещё месяц и, наконец... Искусанные пчелами, змеями и пиявками, выпившие не один литр мочи, пообщавшиеся с камнями, дельфинами и восточными чародеями, они впадали в отчаяние. И тут незаметная, послушная домработница невзначай начинала рассказывать про случаи чудесного исцеления, которые произошли с её родственниками и знакомыми и о чудесном русском народном знахаре, потомственной бабёйге из глухой деревни, которые за эти случаи ответственны. Она рассказывала об этом по телефону подруге, громко давала советы маме. И чувствуя себя немного неловко от того, что приходится признаться, что во все уши подслушиваешь телефонные разговоры домашней челяди, властимущие выпрашивали на чем специализируется упомянутый лекарь. И очень скоро оказывались на приеме у того самого знахаря, который некоторое время назад навел на них порчу. А знахарь, по совместительству натуропат, объяснял им, что причина их болезней внутри них самих. Что нужно самосовершенствоваться, духовно развиваться, и только в этом случае возможно улучшение физического состояния. Что это дурные дела

не дают им исцелиться. И чтобы превозмочь пагубное влияние плохих поступков, необходимо совершать хорошие. И как можно больше. Например, передать круглую сумму на доброе дело – в фонд защиты кабарги. Или раздать деньги простым людям, которые выживают натуральным хозяйствам на неплодородных землях российской глубинки. Или покинуть государственный пост, который высасывает жизненную силу.

«Ты, милоч, опростись, – вещал народный лекарь. – Одними травками и заговорами здоров не будешь. Тебя роскошества твои под землю тянут. Тяжелые они. Поделись едой с голодными, деньгами с бедными. Зверям помоги. Как заболит – так все едут с лошадьми и дельфинами обниматься, анималотерапия это у них называется. А что сибирский наш олень, кабарга, вымирает, так до него никому дела нет. И поезжай в деревню, походи по земле босыми ногами. Дрова поруби, водой из колодца облейся. Родная земля, она сама тебя вылечит, когда увидит, что ты обратно к ней лицом повернулся. Ну и я помогу, порчу сниму, которой ты на своем высоком посту обзавелся».

И измученный олигарх или чиновник делал крупный перевод на счет фонда защиты кабарги и спал в стогу, в поле, изучая опутавшие небо созвездия.

До 2032 года в России дожили три партии. Крупнейшей партией, которой принадлежала полнота реальной власти в стране, была Партия власти. Сменив с момента своего создания дюжину названий, сплошь позаимствованных у неонацистских группировок, сторонники правящего режима остановились на «Партии Президента» – сокращенно «ПП», что иные остряки расшифровывали самым замысловатым образом.

Главной оппозиционной силой официально числились «Патриоты Родины». Их думская фракция состояла из шести человек. Были там: престарелый «красный» банкир, весь «коммунизм» которого сводился к портрету Ленина в его кабинете; два сына бывшего вечного депутата Иудковского чье политическое кредо можно было коротко обозначить как «чего изволите?» и три экс-министра.

Третьей партией была Демократическая Партия, но именно она, как у нас водится, являлась главным врагом демократии. Незадолго перед думскими выборами Президент Грушин вызвал в Кремль олигарха Митю Хорохорова, известного всему миру пьяными кутежами с проститутками на горнолыжных курортах Швейцарии, и предложил ему возглавить демократическую оппозицию. Хорохоров пытался отказаться, ссылаясь на то, что управление заводами отнимает много времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.